ханики представлялись ему (Гегелю) таким необходимым звеном в ряду причин законов природы, что он не мог вообразить себе времени, когда бы они отсутствовали. Такое отсутствие, по его мнению, составило бы пустоту в природе». Гегеля можно лишь упрекнуть в том, что он, обуреваемый жаждой метафизической системы, полагал, что им открыты уже законы абсолютной механики. В действительности же законы эти познаются человечеством в длительном течении времени. Но метафизические уклоны Гегеля не лишают значения ту долю истины, которая заключается в воззрениях этого великого диалектика—материалиста наизнанку.

(*Продолжение следует*).

К вопросу об особенностях исторического развития России.

(Продолжение).

М. Н. Покровский.

II. Где уже только одни исторические замечания.

Продолжаю свое маленькое исследование о том, чем держалось русское самодержавие, и что помогло этому мамонту дожить до XX века.

Перед 1905 годом, отчасти и после, у нас очень распространены были разговоры о том, колониальная страна Россия, или нет, колониальный тип развития у нас, или нет. При этом имелось в виду, что Россия сама есть колония для западно-европейского капитала. Не обращали внимания на другую сторону: что Россия есть одно из величайших колониальных государств мира: что она, колония она или нет по отношению к западно-европейскому капиталу, является обладательницей самых больших колоний, какие только имеет какое-либо другое европейское государство, исключая Англию и Францию. По площади своих колоний среди этих государств царская Россия занимала даже первое место: в то время, как площадь всех английских колоний составляла около 13 милл. кв. километров, всех французских—около 11 милл.—площадь одной Сибири превосходила 13 милл. кв. километров. По населенности, русские колонии уступали, конечно, не только английским и французским, но и голландским: но все же и население Сибири, Средней Азии и Кавказа в 1905 году доходило до 26 миллионов жителей, т.-е. равнялось хорошему европейскому государству, вроде Италии (второй половины XIX в.).

Что Сибирь, Средняя Азия и Кавказ суть колонии, этого у нас многие не понимали просто потому, что учебники географии под «колониями» разумели «заморские» владения, а все перечисленные страны имели с основным ядром «Российской империи», с тем, что называлось тогда «Европейской Россией», непрерывную сухопутную связь. Поэтому многие в простоте души говорили тогда, что у России «вовсе нет колоний» или была, когда то.

только одна—«Российские Американские владения» по ту сторону Берингова пролива, да и ту в 1867 году продали Соединенным Штатам. Но с этой, школьно-географической, точки зрения нелепо было говорить и о России, как колонии Западной Европы, потому что от последней Россия тоже морем не была отделена. Если же понимать под «колонией» то, что все экономически грамотные люди понимают, т.-е. страну, менее культурную, чем метрополия, и служащую для последней источником сырья, а в новейшее время—местом, куда вывозится капитал (в эту стадию развития Россия перед 1905 годом еще не вступила), то все эти страны окажутся самыми что ни на есть образцовыми колониями, начиная с Сибири, которая уже с XVI—XVII в.в. доставляла один из самых ценных тогда видов сырья, пушнину, а позже золото, и кончая Кавказом, который в 1901 г. дал «империи» больше нефти, чем имело какое-либо государство мира, и Средней Азией, которая перед войной покрывала 50% всей потребности тогдашней России в хлопке. Это были настоящие колонии, форменные колонии, и то, что в любую из них можно было доехать из Петербурга, не садясь на корабль, только давало одну добавочную черту: колониальные нравы, в Англии или Франции отделенные от метрополии океаном, в России не были от нее отделены никакой осязаемой чертой и свободно просачивались до самого центра.

А нравы эти были, опять-таки, более первобытные, чем где бы то ни было в это время. Использование колоний, как источников п р о м ы ш л е н н о г о сырья, это, ведь, явление нового времени, для России конца XIX—начала XX века. В расцвет захвата колониальных владений в Америке и Азии, в XVI—XVII веках, колонии просто г р а б и л и, просто отнимали у населения что было поценнее, а при малейшем сопротивлении самое население истребляли. Колониальный грабеж был неразрывной составной частью п е р в о н а ч а л ь н о г о н а к о п л е н и я. «История голландского колониального хозяйства», говорит Маркс,—«а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII века—развертывает бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей».

Возьмем ли мы завоевание Закавказья в 1820-х годах, или Средней Азии в 1860-х, эта характеристика Маркса будет бесподобной фотографией того, что проделывала в названных местах «не имевшая колоний» царская Россия. Вот перед нами один из самых образованных русских генералов начала XIX века, друг декабристов, Ермолов, и вот два эпизода из истории «управления» им Закавказья, эпизода, излагаемых не по какому-нибудь «памфлету», а со слов официального историка Кавказской войны, тоже русского генерала, Дубровина. 24 июля 1819 года умер «после непродолжительной болезни» Измаил—хан шекинский (персы открыто говорили, что он был отравлен состоявшим при нем русским чиновником, и делали в этом смысле даже официальные заявления). В столицу умершего хана, Нуху, немедленно же были двинуты «для предупреждения волнений» русские войска. Затем, повествует генерал Дубровин, «главнокомандующий, п о д п р е д л о г о м н е и м е н и я п р я м ы х н а с л е д н и к о в, приказал ввести в ханстве шекинском русское управление... Вместе с тем было приказано: привести в известность ханские доходы, не изменяя ни количества их, ни порядка взноса; печать ханскую и мирзу, управляющего делами, взять под стражу, дабы пресечь ему возможность выдавать фальшивые ханские грамоты. Привести в известность грамоты, выданные Измаил-ханом на управление деревнями или на разного рода имущество, данное в собственность, о п и с а т ь с о б с т в е н н о е и м у щ е с т в о х а н а, д о л ж е н с т в у ю щ е е п о с т у п и т ь в к а з н у; составить список всему ханскому семейству с обозначением состоявшей у каждого собственности, чтобы определить им приличное содержание от казны». Семейство умершего хана было попросту, таким образом, ограблено: официальные документы, на которых основано изложение Дубровина, умалчивают только об одном—какой комиссионный процент учли в свою пользу исполнители этой операции, русские чиновники, штатские и военные. Что они были здесь несколько заинтересованы, показывает всеобщая уверенность, разделявшаяся и русскими офицерами, что отравлен был Измаил-хан по прямому приказу главного военного начальника края, генерала кн. Мадатова. Этот же последний, по общему мнению, был виновником и другой не менее смелой операции, совершенной в соседнем Карабахском ханстве. Здешнего хана, повидимому, отрава не брала, и для устранения его пришлось прибегнуть к средству менее трагическому, но зато для того времени необычайно прогрессивному,—теперь мы назвали бы его провокацией. Племянника хана подговорили донести на дядю, будто тот хочет его убить, при чем, для большей убедительности, было симулировано даже и самое покушение. Немедленно было наряжено строгое следствие. Поняв, к чему клонится дело, хан бежал в Персию, предусмотрительно захватив с собой бо́льшую часть жалованных грамот императора Александра, но зато бросив все свое имущество. Тогда племянника, который уже видел себя наследником всего оставленного ханом, включая и самое ханство, преспокойно сослали в Симбирск, а «выморочное» достояние карабахской династии поступило в собственность русской казны.

К таким сложным операциям приходилось прибегать, когда дело шло о ханах и беках, т.-е. помещиках. С «простым народом» обращение было, разумеется, проще. Вот, например, в какой обстановке жили при Ермолове чеченцы на плоскости,—наиболее

близкие к нам соседи: «В случае воровства каждое селение обязано выдать вора, а если он скроется, то его семейство. Но если жители дадут средство к побегу всему семейству вора, то целое селение предается огню. Точно так же обещано поступить с селением в том случае, если жители, видя, что хищники увлекают в плен русского, не отобьют его или не отыщут; из такой деревни за каждого русского, взятого в плен, приказано брать в солдаты по два человека туземцев. Известно было, что без пособия и укрывательства самих владельцев горцы не могли проезжать от реки Сунжи, а потому по всему пространству своих земель владельцы должны были иметь постоянные караулы. Если же затем, по исследованию, окажется, что жители беспрепятственно пропустили хищников и не защищались, то деревня истребляется, жен и детей вырезывают»... «Таким образом жители, попрежнему продолжая воровство и разбои» (или даже только не сопротивляясь разбойникам, прибавим мы), «непременно истреблены будут». И это не была пустая фраза—чеченцы могли рассказать о случаях, когда за убийство одного казака истреблялись до последнего жители целого аула. «Ужасный ропот в народе на несправедливые и нерезонные поступки Пестеля (командовавшего в Чечне генерала) дошел до меня в самом начале в'езда моего в здешние провинции», писал знакомый нам кн. Мадатов, посланный расследовать дело, когда Пестель довел горцев до всеобщего восстания. «Народ говорит, что удовлетворения ни в чем не видит и даже ни одного ласкового слова от Пестеля, а слышит одни лишь только всегдашние повторения его: прикажу повесить».

А кн. Мадатов, мы только что видели, сам был человеком достаточно широких взглядов. Это, однако, все же касалось «виновных»—хотя бы в том, что русским генералам и офицерам «хотелось кушать». Но в официальной истории завоевания Кавказа мы на каждом шагу встречаем «меры воздействия», направленные против целых племен, уже без различия правых и виноватых. То у кабардинцев отнимут все земли, то у чеченцев отнимут весь корм для скота, запасенный ими на зиму, т.-е. фактически отнимут весь скот, ибо после этого им ничего не оставалось, как отдать весь скот русским, и т. д., и т. д. Как видим, в первой половине XIX в. царская империя ничем не уступала «образцовой капиталистической стране XVII столетия». Шли годы и десятилетия, Кавказ был завоеван, но «империя» продолжала держаться на той же высоте.

Вот перед нами другой выдвигающийся колонизатор, знаменитый туркестанский ген.-губернатор Кауфман. Он только что взял теперешнюю столицу Узбекистана Самарканд, взял вторично: жители, добровольно подчинившиеся при первом приближении войск генерала Кауфмана, вновь «отпали», когда русский отряд ушел дальше, а под Самаркандом появились состоявшие на службе бухарского эмира шахрисябцы. Попросту говоря, несчастные самаркандцы, по азиатскому обычаю, подчинились тому, кто был сильнее в данный момент. Они, однако, на этот раз прогадали: при всей незначительности сил, оставленных Кауфманом в самаркандской цитадели, взять эту последнюю обратно бухарцам не удалось. Город был жестоко наказан за свое непостоянство: между прочим, сожжен был огромный самаркандский базар, разгромлены мечети, минаретами которых пользовались нападающие во время осады цитадели. Что «зачинщики» были без милосердия казнены,—это разумелось само собой, при чем судопроизводство было упрощено до последних пределов возможности: комендант цитадели называл командующему войсками «виновных», а тот, покуривая папиросу, равнодушно приговаривал по поводу каждого: «расстрелять, расстрелять, расстрелять». Это показалось чересчур простым даже разделявшему взгляды военного начальства русскому художнику... Но самому начальству этого показалось мало, и оно вдобавок ко всему прочему разрешило солдатам в течение нескольких дней грабить город, не разбирая уже ни правого, ни виноватого. Один из руководивших грабежом, какой-то интендантский чиновник, так рассказывал художнику Верещагину про свои подвиги: «Зашел я с солдатами в один дом, где старая-престарая старуха нас встретила словами «аман, аман» (будьте здоровы). Смотрим, а под цыновкой, на которой она сидела, что-то шевелится. И действительно, там оказался мальчуган, лет шестнадцати. Мы его вытащили и, натурально, убили вместе со старухой» [1]).

И тут, как на Кавказе, дело не ограничивалось «виноватыми»,—принимались меры и «общего характера». «Трепет азиатов перед русским именем, рассказывает один патриотический русский путешественник, был достигнут нелегко и стоил недешево. Необходимы были беспощадные кровавые расправы с туземцами за малейшую их попытку напасть на русского, прежде чем могло установиться в стране теперешнее, вполне безопасное положение. Целые кишлаки выжигались до тла за какое-нибудь одно тело убитого русского, найденное по соседству. И иначе поступать было невозможно с народом, для которого грабеж и убийство были обычной стихией»... В другом месте наш автор находил у этого народа такую «душевную воспитанность», какой, к его огорчению, он не замечал у «простого русского человека». Но не будем ловить его на словесных

[1]) Беру все эти примеры из моей книжки: „Дипломатия и войны царской России“, стр. 186—187, 204—205, 331—332. За подробностями отсылаю читателей туда же.

противоречях: вот факты, которые передал ему «один очень авторитетный русский житель Ташкента, имевший возможность со всех сторон изучить быт туземцев». «Мы нашли тут, в Туркестане, такую строгость нравов, о которой у нас и понятия не имеют. Слово самого маленького начальника для них было законом. Послушание изумительное. Честность такая везде была, что ни один дом на ночь не запирался; в Ташкенте, впрочем, и до сих пор они не запираются по старой памяти, хотя воровство удесятерилось против прежнего»... Но пятьдесят лет, прошедших со времен Ермолова, все же сказались. В Средней Азии уже не останавливались на простом, «наивном» грабеже. Были применены «последние слова» новейшей финансовой техники. С каким совершенством, ответ на это дают размеры налога, падавшего на туземцев в начале XX века, сравнительно с тем, что они платили до начала русского владычества и в первые его годы. Вот один пример: Дагбитская волость Самаркандской области и уезда. «Ранее (до 1892 года) взимаемый налог, в сумме 320 рублей, ниже размера нового налога, в сумме 5107 руб. 51 коп., на 1496,09%». Вы думаете, что это исключение? Разве лишь в смысле яркости примера: перечтите итоги по другим местностям, вы увидите 87%, 135%, 264% превышения нового поземельного налога над старым. Всюду налоги в 1½—2½ раза выше, относительно, чем были тогда в самой России. Меньше всего подвергалась фискальной эксплоатации из волостей Самаркандского уезда волость Дюрткульская,—ее новые налоги выше старых всего на 43,35%. Но надо знать, что такое Дюрткульская волость. Вот что о ней говорит официальная статистика: «К началу 70-х годов в этой волости было на счету русской администрации 45 населенных мест с 976 дворами, а спустя 20 лет, в 1893 году, здесь найдено 36 населенных мест с 817 дворами, т.-е. менее на 9 селений и 159 дворов». Но из наличных дворов 225 было выморочных, а 90—сиротских. «Если ко всему этому прибавить почти полное отсутствие людей в возрасте за 50 лет и наружный крайне захудалый вид населения волости, то понятным становится»,—вы думаете, влияние русского управления на судьбу этой волости? Нет: «немаловажное значение санитарных условий» [1]).

Проходит еще 30 лет. Мы еще дальше на восток от места подвигов генерала Ермолова—в Маньчжурии. Как туда попали русские, это мы расскажем в другом месте, в настоящей связи нас интересует, как они там действовали. Мы опять берем почти официальный документ—записку одного из строителей Китайской восточной дороги (порт-артурской ветки), инженера Гиршмана, со-

[1]) Там же, стр. 344.

ставленную в 1902 г., а относящуюся к событиям 1900—1901 г.г. Гиршман, человек деловой, притом сам бывший на войне (в Турции в 1877—1878 г.г.) соглашается, что «к войне не применима прописная мораль, и в пылу сражения или подавно штурма, грабежи являются делом вполне естественным». Но, замечает он «все-таки приходится думать, что такой пыл не может быть долговечным и во всяком случае не должен бы допускаться на продолжительное время, и что самый грабеж не должен доходить до какого-то безумного уничтожения добра только из страсти к уничтожению, и что вместе с тем должны бы приниматься меры к охранению того имущества, которое, будучи вполне бесполезно для каждого отдельного солдата, являлось бы драгоценною добычею, в смысле облегчения военных расходов (предметы интендантского довольствия). К сожалению, однако, по крайней мере, в первом периоде войны до взятия Хайчена включительно, все высказанные соображения были оставляемы без всякого внимания»....

«Приискивались предлоги к бесконечному ряду экспедиций, которые являлись столь желательными в смысле возможности новых реляций и новых представлений к наградам, но, к сожалению, также и новых грабежей и порчи тех отношений, которые так легко было поставить в лучшем виде при строгом исполнении соглашения».

А вот маленькие образчики того, что представляли собою эти самые «экспедиции»:

«Другая крупная экспедиция предпринята была в сторону Монголии, под начальством генерала Церпицкого, на основании сведений, что Хин-цань (один из вождей сопротивлявшегося русским населения) находится около Кула и оттуда руководит новыми враждебными действиями против нас. Для всякого, знающего ту невероятную быстроту, с которой в Китае всякие известия передаются без телеграфа, не могли не быть ясно, что Хин-цань, несомненно, успеет уйти из своего убежища задолго до прибытия русских войск. С другой стороны, не было также секретом крайне дружеское расположение к нам монголов, а таковое еще усилилось благодаря хорошим отношениям, установившимся между главными монгольскими ламами Мукдена и полковником Громбчевским. Благодаря этим отношениям, экспедиция была снабжена надежными китайскими чиновниками и письмами для предупреждения всяких лишних столкновений. Конечным пунктом экспедиции являлся город Куло с его древним монастырем, глубоко чтимым во всей Монголии и знаменитым своими богатствами. Все эти обстоятельства должны были, повидимому, с одной стороны, обещать самый спокойный поход экспедиции, а, с другой, внушить руководителям ее особую осторожность, дабы не терять располо-

жения монголов. В первом отношении все шло как нельзя лучше: повсеместно отряды, составляющие экспедицию, находили самый лучший прием, население встречало подарками, все необходимые припасы доставлялись по минимальным ценам, и конечно экспедиция вся прошла бы таким же образом, если бы генерал-лейтенанту Церпицкому не показалось неудобным совершать поход без всяких лавров. И поэтому, судя по личному мне рассказу его при нескольких свидетелях, генерал, приближаясь к Куло, притворяется больным, и потому принимается решение войти в Куло только на другой день. Когда же китайские чиновники, приняв соответствующие меры, легли спать, генерал немедленно выздоравливает, двигается ночью на Куло и, на основании какого-то выстрела, последовавшего будто бы при подходе наших войск и вполне естественного, особенно в Китае, где ночные выстрелы служат лишь выражением бдительности сторожей города, монастырь захватывается силой; масса жителей и монахов предается избиению, а затем начинается полнейшее разграбление, в результате коего на долю самого генерала, по его собственным словам, достается не меньше 200 штук одних древних идолов из золоченной бронзы.

«Параллельно с большими экспедициями шли и малые, предпринимавшиеся, вопреки соглашению, на основании всяких самых случайных сведений о появлении хунхузов или нахождении складов оружия. Подобной готовностью нашей к экспедициям, на основании непроверенных сведений, и нашим незнанием местных условий, прежде всего, воспользовались, судя по многих рассказам, сами хунхузы (китайские бандиты, для борьбы с которыми предпринимались экспедиции); имея в виду разграбить какого-нибудь зажиточного жителя, они сами доносили о таковом, как о хунхузе и, конечно, прекрасно умели воспользоваться результатами следовавшего затем разгрома. Неудивительно, конечно, и то, что поданный генерал-лейтенантом Церпицким пример удачного парализования сопровождающих китайских чиновников нашел вскоре подражателя в лице ротмистра Булатовича. Здесь, однако, прием был упрощен, так как чиновники были попросту арестованы; затем, таким же способом и с тем же успехом, как в Куло, совершилось взятие укрепленной фанзы в 12 верстах от Мукдена, которая, как и заранее можно было знать, являлась не хунхузским гнездом, а пунктом убежища для окрестного населения в случае опасности и потому изобиловала всем лучшим добром этого населения».

На протяжении трех четвертей столетия методы действия, как видим, эволюционировали так мало, что было бы смешным педантством искать здесь какого-нибудь «социального перерождения». При Николае II, как и при Александре I, непосредствен-

ной целью русской колониальной политики было то же, что являлось такой целью для португальцев или голландцев XVII века—прямой грабеж. И было бы в высшей степени странно, если бы эти типические приемы «первоначального накопления» руководились властью более современного типа, чем европейский абсолютизм XVI—XVII столетий.

Но «голландская» политика выростала не на пустом месте—Голландия XVII века была, мы помним, «самой образцовой капиталистической страной» той эпохи, эпохи торгового капитализма. Те же следствия заставляют искать тех же причин—и участие русского торгового капитала в завоевании как Кавказа, так и Средней Азии могло быть не замечено только потому, что историю этих завоеваний писали военные люди, слишком уж далекие от всякого исторического материализма. Интересы этого капитала в Закавказьи, в начале XIX века, сознательно и официально ставились на первое место: Александр I в инструкции отправляющемуся на Кавказ Ермолову выразился, что он ставит торговые выгоды выше территориальных приобретений. Войны с Персией привели прежде всего к открытию этой, мало еще доступной тогда для европейцев, страны русским купцам [1]). Предшественник Ермолова, Тормасов, все завоевание Западного Кавказа ставил на почву торговой конкуренции с турками, от которых экономически до тех пор эта часть Кавказа зависела. Правда, попытки русских чиновников непосредственно вести торговлю кончились неудачей, но характерно, что даже военные люди видели настоящую подкладку совершавшихся им завоеваний.

Под знаменем того же торгового капитализма началось и движение русских в Среднюю Азию. В середине XVIII века инструкция так называемой «оренбургской комиссии» на-ряду с защитой границ от набегов со стороны киргизов и действительным, не только номинальным, подчинением последних России, ставила, как одну из целей этой политики, развитие торговых сношений с оседлыми соседями этих киргизов. Военные операции 30-х годов девятнадцатого века были вызваны ближайшим образом заботами об охране торговых караванов. Первая экспедиция вглубь Средней Азии—хивинский поход Перовского в 1839 г.—одним из официально признававшихся мотивов имела «ограждение русских торговых интересов в Центральной Азии», и, сопоставляя с этим мотивом другие—обеспечение спокойствия русских киргизов или освобождение русских пленных, томившихся в хивинской неволе,—слишком нетрудно угадать, что заставило правительство Николая Павловича истратить более полумиллиона рублей в этих, так далеких от центров его внешней политики, местах.

[1]) См. „Дипломатия и войны царской России", стр. 184, 193—194, 380 и сл. „Русская история с древн. времен", т. IV, стр. 30 и сл.

Недаром и самую экспедицию официально называли не «карательной»,—каковой бы она была, если мотивировать ее от хивинских набегов и грабежей, а «научной». А когда «научная экспедиция» на первый раз кончилась неудачей, «чтобы защитить своих подданных против киргизов, в 1845 году Россией было устроено в степи два новых укрепления, Тургай и Иргиз,—говорит один из историков русских походов в Средней Азии,—в короткое время здесь развилась оживленная меновая торговля».

Не добравшись до больших, центральных среднеазитских рынков, удовольствовались мелкими, местными. А когда, четверть столетия спустя, неудача Перовского была заглажена, русские войска заняли Ташкент и Самарканд, и торжественным маршем вступили в Хиву, эти победы прежде всего другого открыли настежь двери для русской торговли. После 1873 года она была об'явлена беспошлинной на всем пространстве как Бухарского эмирства, так и Хивинского ханства. Пользуясь там всеми правами туземцев—по части покупки земли, устройство складов, магазинов и т. д.—они были подсудны только русским властям, что бы они ни совершили на территории названных «независимых» государств.

Торгово-капиталистический смысл завоеваний как Кавказа, так и Средней Азии, не вызывает никаких сомнений. Как обстояло дело с Дальним Востоком?

В начале дальневосточной авантюры, закончившейся катастрофой под Мукденом и Цусимой, стоят два факта: *постройка Сибирской железной дороги* и основание *русско-китайского банка*. Оба факта тесно связаны с *колониальной политикой* царской империи, во-первых, и с *проникновением в Китай русского торгового капитала*, во-вторых.

Сооружение сибирской железнодорожной магистрали в конечном итоге сводится к основному стержню русской азиатской политики в течение всего XIX века, за вычетом первых его годов и с небольшим перерывом после Крымской войны (1853—1856 г.г.). Стержнем этим было *русско-английское торговое соперничество*. Уже Паскевич, торжествуя в 1827 году победу над Персией, торжествовал, в то же время победу над крупнейшим торгово-капиталистическим предприятием тогдашнего мира, английской Ост-индской компанией. После занятия нами Тавриза, писал он Николаю, агентам Ост-индской компании ничего не останется, как сесть на корабли в Бендер-Бушире (на Персидском заливе) и отправиться к себе домой в Индию. Вся история завоевания Средней Азии, от похода Перовского до занятия Мерва в 1884 году, неразрывно переплетена с русско-английским кон-

фликтом[1]). На другой день после взятия Мерва и столкновения русских с афганцами в 1885 г. Россия и Англия были на вершок от войны, и тут обнаружилось, что, в случае, если бы она вспыхнула, русские владения на Дальнем Востоке—только что, благодаря столкновению с Китаем из-за Кульджи в 1880 г., доказавшие свою реальную ценность для будущих захватов,—оказались бы наглухо отрезанными от метрополии: при отсутствии железных дорог в Сибири добраться до них можно было только морем, а морем, об этом уже никто не спорил, владела Англия. Приамурский генерал-губернатор и командующий войсками иркутского военного округа единодушно требовали рельсовой колеи, хотя бы от Томска до Забайкалья (до Томска и по Амуру надеялись еще использовать речной путь). Образованное, вследствие этих заявлений, Александром III «особое совещание»—из четырех министров, с участием начальника главного штаба—пришло к заключению, что «проложение железной дороги через Сибирь, требуя от казны огромных пожертвований, не обещает в ближайшем будущем, при ограниченном торговом движении края, положительных выгод и может окупиться лишь со временем. Но нельзя не признать, что в общегосударственном и в особенности в стратегическом отношении ускорение наших сообщений с отдаленным востоком становится с каждым годом все более неотложным. Поэтому, не предрешая ныне самого способа постройки, представлялось бы вполне соответствующим безотлагательно приступить к изысканиям участков Сибирской дороги, наиболее важных в стратегическом отношении... так как без этого наш главный порт в Тихом океане явится отрезанным от удобных сообщений с остальною Сибирью и лишенным всякой базы, и в виду преимущественного стратегического значения проектируемых линий желательно наиболее деятельное участие военного ведомства, в лице генерал-губернаторов, в производстве изысканий».

Но раз гроза войны, как-никак, прошла, а денег в казне было мало, тогдашний (1887 г.) министр финансов, Вышнеградский, скупился, и дело затягивалось. В 1890 году понадобилось новое заявление от приамурского генерал-губернатора о затруднительности сообщения с Южно-Уссурийским краем и о невозможности обороны его за отдаленностью резервов». На докладе генерал-губернатора Александр III написал: «Необходимо приступить скорее к постройке этой дороги». Под давлением свыше Вышнеградский уже соглашался теперь дать деньги, но все же норовил затратить их хотя бы сколько-нибудь коммерчески и настаивал на постройке железной дороги сначала лишь в более населенной Западной Сибири, т.-е. очень далеко от угрожаемых

[1]) См. „Русская история с древнейших времен", т. IV, стр. 240 и сл.

берегов Тихого океана. На сторону военного ведомства стало министерство путей сообщения, для которого железнодорожное строительство, как таковое, представляло бо́льший интерес, нежели коммерческая будущность построенных дорог. В конце концов решено было начать сибирскую магистраль сразу с обоих концов, при чем закладка дальневосточного конца во Владивостоке была обставлена особой торжественностью: для этого был отправлен тогдашний (1891 г.) «наследник-цесаревич», будущий Николай II.

Так как военное происхождение сибирской дороги было вне всякого сомнения, то в рескрипте Александра III наследнику очень подчеркивалось «мирное преуспеяние» Сибири и необходимость «соединить обильные дарами природы сибирские области с сетью внутренних рельсовых сообщений». На самом деле дорога должна была служить, прежде всего, для подготовки колониальных захватов на Дальнем Востоке (благо Ближний, в лице Болгарии, только что ушел из сферы русского влияния), и внутренне-колонизационный вопрос логически стоял **вторым**. Провести железную дорогу по пустыне было совершенно невозможно, для нее нужна была населенная зона, и зону эту приходилось создавать.

С этого конца политика опять подходила к экономике,—и преемник Вышнеградского, Витте, ставший, быть может, преемником отчасти именно поэтому, сумел подметить связь, которой не схватил ловкий биржевой делец, управлявший русскими финансами до него. В своей записке 13—26 ноября 1892 года Витте писал:

«Принимая протяжение Сибирской железной дороги от Челябинска до Владивотсока круглым числом в 7.100 верст и полагая, что эта дорога приблизит к Европейской России только прорезываемую ею полосу не свыше стоверстного расстояния от линии в обе стороны, то и в таком случае, благодаря железной дороге, в новые условия существования становится огромная территория в 1.420.000 кв. верст—территория, превосходящая Германию и Австро-Венгрию, вместе взятые, с добавлением Голландии, Бельгии и Дании. Если сравнить эту территорию с какой-нибудь частью Европейской России, то окажется, что она по пространству превосходит все взятые вместе губернии, заключенные между Окой, Волгой, Азовским и Черным морями и Австрийскою границею, с добавлением Привислинского края, т.-е. 35 губерний. При том вся эта территория лежит в средних географических широтах (преимущественно между 50° и 57° сев. широты), по климатическим условиям не слишком резко отличается от центральных и восточных губерний Европейской России и в большей своей части представляет данные, вполне благоприятствующие развитию земледельческих и других промыслов.

В действительности, влияние Сибирской железной дороги, благодаря связи ее со всеми водными сообщениями Сибири, будет распространяться гораздо далее прорезываемой ею полосы, и не подлежит сомнению, что дорога даст могущественный толчок экономическому развитию Сибири, всюду оживит и возбудит возможные по местным условиям отрасли производительной деятельности».

Помимо того журавля в небе, который летал над Владивостоком, была синица, которая, можно сказать, сама просилась в руки русского торгового капитала. Эксплоатируемый этим последним крестьянин был экономически при последнем издыхании в европейской части «империи»: голод 1891 года был вчерашним днем, когда писал Витте. Самые тугие умы должны были задаться вопросом: что же делать дальше? Витте и указывал выход.

«Крестьянское малоземелье,—указывалось в записке,—давно уже замечаемое во многих губерниях Европейской России, несомненно, должно быть отнесено к отрицательным явлениям русской жизни: оно невыгодно для народного хозяйства, потому что в непривычных условиях существования малоземельный крестьянин становится экономически слабым, его труд менее производительным; оно невыгодно для государства, потому что экономически слабые элементы населения служат скорее в тягость государству, требуя от него усиленных попечений и не давая взамен ничего; оно, наконец, не может быть признано и нормальным, в виду массы пустующих земель, которые остаются мертвым капиталом именно по отсутствию рабочих рук и которые посему очень выгодно заселять нуждающимися в земле для приложения к ней своего труда». Наиболее целесообразным способом уменьшения малоземелья является наделение нуждающихся крестьян казенными землями в Сибири, особенно в западной части ее. «Стремление малоземельных крестьян к переселению на новые места замечается уже теперь, но носит стихийный характер; если же правительство поставит переселенческое движение в более правильные условия, то можно полагать, что заселение плодородных сибирских пустынь пойдет весьма успешно, а с появлением на месте достаточного количества рабочей силы плодородные сибирские земли приобретут, без сомнения, притягательность и для более образованных общественных слоев, которые принесут с собой и капитал, и знание, и цивилизующее влияние на окружающую среду. Таким образом Сибирская железная дорога обеспечит прорезываемому ею обширному краю **одно из главных условий для развития сельскохозяйственной производительности, именно рынок сбыта и приток рабочей силы**, открывая вместе путь государству к разрешению одной из наиболее трудных задач—к прочному устройству эконо-

мического быта малоземельного крестьянского населения внутренних губерний Европейской России».

Итак, дорога создавала, прежде всего, новый район торгово-капиталистической эксплоатации. Уже стесненный в своей практике обдирания мужика Европейской России, ибо здесь мужик был уже ободран до костей,—торговый капитал приобретал теперь нового «клиента» как в сибирском «старожиле», так и в спешившем ему на подкрепление «новоселе».

Но и этим выгоды Сибирской дороги еще не исчерпываются. В заключение, Витте счел необходимым «установить определенную точку зрения на торговое значение Сибирской железной дороги». В этом отношении дорога должна, с одной стороны, способствовать увеличению вывоза сибирских грузов в Европейскую Россию, а с другой—устранить те неудобства, которые приходится испытывать при перевозке европейских грузов в Сибирь, а равно благоприятно отразиться на условиях торгового оборота в пределах этого края. Но торговое значение дороги не ограничивается теми выгодами, которые она может дать немедленно вслед за открытием движения, «вероятные последствия этого предприятия следует рассматривать шире—в связи с тем основным фактором, что Сибирский путь установит непрерывное рельсовое сообщение между Европой и Тихим океаном и таким образом откроет новые горизонты для торговли не только русской, но и всемирной». «При этом для России особенно важно то обстоятельство, что она, участвуя в сообщениях Европы с странами азиатского востока на протяжении более десяти тысяч верст, может и должна воспользоваться не только всеми выгодами посредника в торговом обмене произведений востока Азии и запада Европы, но и выгодами крупного производителя и потребителя, ближе всех стоящего к народам азиатского востока. С постройкою Сибирской железной дороги не только усилится роль России на мировом рынке, но для нее откроются новые обильные источники народного благосостояния».

Как видим, Витте не уставал рекламировать «свою» дорогу, которой не умел оценить свергнутый им с финансового престола Вышнеградский (в частных разговорах Витте не скрывал, что это он «сломал шею» Вышнеградскому). Сибирская магистраль наряду с винной монополией и золотой валютой была одним из трех китов, на которых держалась политика Витте. Хронологически, постройка Сибирской дороги и его министерство совпадают: с ее началом он стал министром финансов, с ее окончанием он перестал им быть. Приведенная мною в таких больших отрывках записка, помимо своего конкретного содержания, характерна как иллюстрация подхода к делу одного из самых влиятельных

ведомств и одного из самых влиятельных людей эпохи. Железная дорога для Витте была, прежде всего другом, орудием торгового капитала и лишь в последней очереди обещала стать орудием и капитала промышленного. В то же время это было, конечно, и стратегическая дорога. Это все время твердо помнил тот, кто ее закладывал. Для Николая II дорога не имела смысла вне ее конечной военной цели. В конце концов экономика и стратегия воплотились—первая в лице Витте, вторая в лице Николая и окружавшей его безобразовской шайки. И стратегия победила своего собственного министра финансов, чтобы быть затем побежденной на настоящем, военном поле битвы с Японией.

А теперь, словами опять-таки самого Витте, расскажем, зачем был открыт Русско-китайский банк:

«Вскоре после открытия комитета Сибирской железной дороги министр финансов возбудил в комитете вопрос о торговых интересах России на Дальнем Востоке и в особенности о сношениях ее с Китаем. Имея в виду, что Китай и Япония с приближением к их пределам Сибирской железной дороги станут более доступными для сбыта русских продуктов и, в свою очередь, вероятно, примут меры к развитию своего вывоза в Россию, министр финансов полагал уже тогда своевременным всесторонне ознакомиться с условиями нашей торговли на Крайнем Востоке и изучить потребности тамошних рынков. Для достижения этой цели следовало бы, по мысли министра финансов, организовать срочное получение от наших дипломатических представителей и консулов обстоятельных сведений о ходе международного обмена и о развитии промышленности в названных государствах, так как без таких сведений едва ли возможно надеяться на серьезное расширение торговых оборотов наших на Дальнем Востоке.

К доставлению торговых сведений необходимо было бы также привлечь особых правительственных торговых агентов, а также пользоваться услугами проживающих в Китае и Японии русских купцов, успевших по личным наблюдениям основательно ознакомиться с своеобразными условиями местного экономического быта. Для изучения же наших пограничных сношений с соседними странами министр финансов признавал полезным образовать на местах особые комиссии из сведущих лиц, знакомых с этими далекими окраинами...

При производстве торговых сношений России с Китаем издавна ощущалась потребность в таком банке, который облегчал бы взаимные расчеты обеих стран. В китайских портах до того времени оперировали немецкий, французский и несколько англий-

ских банков, и русские купцы принуждены были постоянно обращаться к услугам этих банков, оставляя в их пользу весьма значительные суммы. Главною операцией русской торговли в Китае издавна являлось чайное дело. В Хон-Коу, главном чайном рынке, на долю русских приходилось в то время до 46% всего вывоза чая, и в этой отрасли торговля России всегда занимала первенствующее и вполне самостоятельное положение. Между тем платежи за чай русские торговцы должны были производить траттами на Лондон, которые реализовались либо в Шанхае, либо в самом Хон-Коу, где на время чайного сезона открывались агентства иностранных банков в Китае, при чем иностранные агентства, ввиду отсутствия конкуренции, взимали весьма высокие проценты. Размер платежей, производившихся здесь русскими фирмами в течение чайного сезона, был весьма значителен: например, за сезон 1893 г.—последнего отчетного года перед учреждением Русско-Китайского банка—из России было переведено в Китай 1.540.000 ф. ст. и 132.000 руб. серебром в слитках. С учреждением русского банка в Китае операция по переводам денег в китайские пункты постепенно могла перейти в этот банк.

Кроме того, русский банк в Китае должен был облегчить самые условия чайной торговли; при отсутствии кредита торговцы чаем должны были располагать крупным оборотным капиталом, а потому торговля эта делалась доступною только немногим очень богатым фирмам, тогда как русский банк дал бы возможность принять участие в чайной торговле и мелким фирмам, открывая им необходимый для этого кредит и, таким образом, содействовал бы привлечению к оборотам с чаем новых русских сил».

Итак, в первую голову банк должен был служить интересам русской чайной торговли. Огромным недостатком этой последней была ее ужасающая пассивность: русские платили за чай деньгами, благодаря чему при 6 миллионах р. ввоза в Китай из России получалось 39 миллионов рублей вывоза из Китая в Россию, т.-е. сальдо не в нашу пользу в 33 миллиона, в 550% всего русского ввоза. Чтобы избежать этого, Витте предполагал усилить ввоз русских продуктов в Китай. «Вместе с тем банк этот мог бы содействовать ввозу русского керосина на китайские рынки, где ему приходится выдерживать конкуренцию с керосином американским. Вообще не могло быть сомнения, что такой банк оказал бы существенное влияние на расширение торговых сношений наших тихоокеанских окраин с Китаем и на ввоз в него наших пищевых продуктов, всегда находивших себе здесь хороший сбыт».

Как видим, вывозить предполагалось отнюдь не произведения русской обрабатывающей промышленности, а керосин и пищевые продукты, т.-е. хлеб, мясо, рыбу и т. п. Чтобы банк не уклонялся от своей прямой задачи, служить русской торговле, были приняты специальные меры. «Министерство финансов заботилось главным образом о том, чтобы деятельность банка в России не отвлекала его внимания и капиталов от прямого их назначения служить развитию русской торговли на Востоке; поэтому банку вовсе не разрешены были в России операции по выдаче ссуд и открытию кредитов под залог процентных бумаг, драгоценных металлов, товаров, коносаментов и т. п.; но, взамен того, ввиду непосредственных сношений банка с азиатскими государствами, ему разрешены были некоторые операции, другим банкам не разрешаемые, как, например, покупка и продажа процентных бумаг, транспортирование товаров (прием товаров в залог с выдачею варрантных свидетельств) и даже покупка и продажа товаров, но при том лишь условии, чтобы все эти операции производились исключительно в интересах нашей торговли с Дальним Востоком и имели непосредственное отношение к тем русским фирмам, которые производят обороты свои в пределах азиатских стран. Что же касается действий банка в других европейских странах, то в этом отношении банку предоставлено было совершать все операции, разрешенные местными законами.

Если деятельность Русско-Китайского банка была сравнительно ограничена в пределах европейских стран, то тем шире и свободнее организована она для Востока. Здесь, кроме операций чисто банкового характера, банку разрешены были и такие операции, которые можно назвать торговыми, страховыми и комиссионерскими. Банку предоставлено было покупать за свой счет или по поручению частных лиц товары, принимать на себя транспортировку товаров (морскую, речную и сухопутную), страховать их от огня и от других несчастных случаев, покупать и продавать за счет третьих лиц недвижимости, учитывать векселя и выдавать ссуды не только на девять месяцев, как это установлено для других банков, но и на год, и даже выпускать собственные билеты».

Но, кроме торговца, банку не возбранялось быть и откупщиком. «Наконец, кроме всего этого банку разрешено было, с целью возможного усиления русского экономического влияния, получение платежей по податям, производство операций, имеющих отношение к местному государственному казначейству, чеканка местной монеты, а также получение концессий на постройку железных дорог и проведение телеграфных линий».

Едва ли можно найти документ, где связь *железнодорожного строительства* именно с *торговым капиталом* выразилась бы более четко. Я должен, таким образом, взять назад высказанное мною однажды (в «Русской истории в самом сжатом очерке», ч. III) утверждение, будто Русско-Китайский банк имел *главной* целью железнодорожное строительство и будто эту цель поставил перед Витте металлургический кризис конца 1890 годов. Устав банка был утвержден 10 декабря 1895 г., когда никаким кризисом еще и не пахло, и строительство железных дорог вытекало отнюдь не из потребностей русской промышленности, а из потребностей русского торгового капитала, как, впрочем, было и в самой России в 1860 годах.

Связь эта сознавалась, нужно сказать, и гораздо раньше. Уже в своей записке 1892 г. Витте писал, «что Сибирская железная дорога настолько приближается (в Забайкалье) к Китайской границе, что является возможность, с помощью ветви в китайские пределы, завязать *непосредственный торговый обмен с внутренними весьма населенными провинциями Китая*. Постройка такой ветви едва ли встретит серьезные препятствия в ближайшем будущем, а в этом случае наши торговые обороты с Китаем стали бы расширяться очень успешно, обеспечивая в то же время увеличение доходности магистральной Сибирской линии и усиливая наше значение в международной торговле с Китаем».

Таким образом, в самом конце XIX века в своей внешней политике империя «Романовых» оставалась колониальной державой наиболее примитивного типа—*аппаратом торгово-капиталистической эксплоатации* мало-культурных (или казавшихся мало-культурными) стран. Промышленный капитал и во внешней политике, как внутри России, шел по пятам торгового. Торговому капиталу нужны были железные дороги,—и промышленность их строила, но лишь там и постольку, где и поскольку это нужно было торговому капиталу. При этом методы действия этого торгового капитала менялись так же туго, как и методы действия русского самодержавия внутри страны. При первой заминке или просто при первом удобном случае банковые операции сменялись лихим ударом кулака: в 1896 году начал свои операции Русско-Китайский банк, а уже в 1900 на китайской территории оперировали генералы Церпицкий и Ренненкампф с братией. Но *цель* операций обоих типов была одна и та же: создание новых колоний, новых жертв эксплоатации русского торгового капитала.

Читатель видит, как нелепо жаловаться, что у того или другого писателя торговый капитал «заполонил всю русскую историю».

Это очень сродни жалобам на то, что у К. Маркса теория прибавочной стоимости «заполонила» всю политическую экономию. Что же делать, если эта теория так много об'ясняет в буржуазной экономике. Что же делать, если только торговым капитализмом можно об'яснить такой чудовищный факт, как переживание в России на заре XX столетия абсолютизма типа XVI — XVII веков. Другого *марксистского* об'яснения пока не дано, а попытки его дать привели к бессознательному плагиату у Чичерина и Соловьева, которые были весьма почтенными людьми, конечно, но только совсем не марксистами...

Вопрос о долговечности самодержавия сводится, таким образом, к вопросу о причинах, обеспечивавших в России долголетие торгово-капиталистической, т.-е. наиболее *экстенсивной*, форме капиталистической эксплоатации. То-есть, перед нами все тот же вопрос о причинах «отсталости» русского народного хозяйства на-ряду с чудовищно-быстрым ростом русской капиталистической промышленности. Картина колонизаторской деятельности «Романовых» потому и ценна, что она разрешает эту загадку. И экстенсивность русской капиталистической эксплоатации, и экстенсивность русского крестьянского хозяйства сводятся к *одному* корню, об'ясняются *одним* фактом: наличием на востоке огромной площади нетронутой целины, куда мог уйти от «тесноты» русский крестьянин, и куда мог пойти следом за ним русский торговый капитал. Сибирская железная дорога за десять лет в пять раз увеличила количество сибирского экспортного хлеба (с 13 милл. пудов в 1900 г. до 50—70 милл. п. перед войной 1914 г.)[1]—и пришлось даже принимать меры против «затопления» рынка сибирским хлебом путем особых ухищрений с железнодорожным тарифом. Вывоз масла с 400 пудов (стоимостью на 6000 рублей) в 1894 г., когда дороги вовсе не было, поднялся до 4,6 *миллионов* пудов в 1915 г. (стоимостью на 74.000.000 р.). Благодаря сибирскому маслу Россия стала *второй* в мире страной на международном масляном рынке (первой была Дания)—$^1/_5$ всего потребления масла Англией покрывалась Россией.

[1]) Вывоз хлеба из Сибири развивался таким темпом:

Года.	Милл. пудов.
1905	17
1906	28
1907	44
1908	58

При таких великих и богатых милостях, которое давало простое географическое **расширение площади** русского сельского хозяйства, стоило ли хлопотать о его **интенсификации**, о развитии у нас капиталистического сельского хозяйства с машинами, искусственным удобрением и проч.? А впереди мерещились новые обширные площади северной Маньчжурии, которую ген. Куропаткин, поддерживаемый Плеве, рассматривал именно как арену будущей русской колонизации, почему и предполагалось не пускать туда китайцев.

Диалектика процесса и выразилась в смене разных форм торгового капитализма. Создание новых районов мелкого крестьянского хозяйства для торгово-капиталистической эксплоатации было, несомненно, относительно прогрессивным типом этой последней: это уже был не простой грабеж. И этой диалектике торгового капитализма соответствовала диалектика политически обслуживавшего его самодержавия: переселенческая политика была лозунгом **бюрократии**, грабительская была под покровительством вотчинной верхушки всей системы. Николай и безобразовская шайка тянулись к южной Маньчжурии и Корее, странам, относительно густо населенным и богатым, куда никого нельзя было переселить, но где можно было грабить готовое. Это противоречие **внутри** самодержавия и выразилось в начале 1900 годов в образовании рядом двух правительств: «ведомственного»,—с Витте, Куропаткиным, Ламздорфом и т. д.,—и «вневедомственного», во главе с Николаем и Безобразовым. Оба отражали интересы **торгового** капитала, но двух его различных фаз.

А ниже этой диалектически построенной верхушки, давимые ею, но давя и на нее, стояли представители промышленного капитализма—фабриканты, заводчики и «левые земцы», капиталистические помещики. Это была власть завтрашнего дня, власть, шедшая на смену самодержавию, но в 1906 году добившаяся только **компромисса** с самодержавием, в лице правительства Столыпина.

Диалектика всего процесса на-лицо, но она **отставала** от диалектики народного хозяйства. В ту минуту, когда—во время империалистской войны—промышленный капитал стал подходить к власти, уже существовали все условия для следующей стадии развития, **государственного капитализма**. Громадный восточный пустырь, тяжелым грузом висевший на русском народном хозяйстве, всего тяжелее тянул книзу его политическую надстройку. На вопрос о причинах отсталости и приходится, прежде всего, отвечать указанием на наличие колоний и в первую очередь Сибири, но затем и Кавказа и Средней Азии. Недаром Щедрин с гениальной меткостью создал «ташкентца», как тип наиболее реакционной формы государственного насилия. И благодаря историко-географической обстановке «ташкентец» легко одерживал верх над более прогрессивными формами «государственности». И все более отстававшая диалектика верхушечного аппарата все ближе и ближе нагонялась великим и основным диалектическим противоречием: эксплоатирующего верха и эксплоатируемой трудящейся массы. Сравнительно слабая—сравнительно с временами Николая I, например, сопротивляемость верхушки именно и об'ясняется раздиравшими эту верхушку диалектическими противоречиями, которые, чем ближе к нашему времени, тем становились острее. Пока дело не дошло до того, что тяжелый дух вотчинного режима стал невыносим даже для Протопопова [1]...

(Продолжение следует).

---

[1]) Т. Слепков (см. № „Большевика“ от 1 июня) продолжает с достойным лучшего применения усердием ломать открытые двери, доказывая: 1) что Ленин был диалектик; 2) что русское государство, как и все вещи на свете, развивалось диалектически. Ни в том, ни в другом ни у одного русского марксиста никогда не было ни малейшего сомнения. Но спор у нас с тов. Слепковым идет совсем не об этом. Спор идет о том, представляло ли русское **самодержавие** (а не русское **государство**, т. Слепков: это две вещи **разные**!) в конце XIX века **промышленный** капитализм или же **нет**, а промышленный капитализм в системе, именуемой „русское государство“, представлялся не самодержавием, а силами, ему враждебными (напр в 1910—1914 г. **оппозиционными** партиями государственной думы,—которая, конечно, была такою же составною частью „русского государства“, как и боярская дума XVII в., о которой говорил Ленин). Т.-е. было ли русское самодержавие в конце XIX в. **прогрессивным** явлением, толкавшим **вперед** экономическое развитие (о прогрессивной роли промышленного капитализма для той эпохи, опять-таки, ни один марксист не спорит, спорили против этого только народники), или же оно было силой **реакционной**, это развитие задерживавшей. Думаю, что стоит так поставить этот вопрос, чтобы на него и ответить—и чтобы видеть, в каких безнадежных противоречиях запутываются те, кому приходится об'яснять „особенности исторического развития России“ наперекор марксизму.

Ленин и проблема империализма.

Б. С. Борилин.

I.

Основной характеристикой империализма у Ленина служит определение империализма, как «высшей стадии развития капитализма, переходной—в известном отношении—к социализму»[1]). Это—«новейший капитализм» и вместе с тем «капитализм умирающий» [2]). Почему Ленин считает такую характеристику основной?

Главную причину изменений в экономике капитализма, превращающих его в империализм, Ленин видит в гигантском процессе обобществления производства, происходящем внутри капиталистического хозяйства и выражающемся в небывалом росте концентрации производства и монополий. Именно этот процесс «втаскивает капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению» [3]).

Взглянем на современный империалистический капитализм. «Это—уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (напр., железорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, которые «делят» между собою, по договорному соглашению, эти союзы. Монополизируются обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры; захватываются пути и средства сообщения... Производство становится общественным» [4]).

«Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах $^2/_3$ или $^3/_4$ всего необходимого для десятков миллионов населения...; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения

[1]) Ленин, Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы,—Собр. соч. т., XIV, ч. I, стр. 120.

[2]) Ленин, Империализм как новейший этап капитализма,—Собр. соч., т. XIII, стр. 334.

[3]) и [4]) Там же, стр. 253—254.

целого ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей..,—тогда становится очевидным, что перед нами на-лицо обобществление производства.., что частно-хозяйственные и частно-собственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию...» [1]).

Уже Энгельс говорил, что нельзя употреблять попрежнему выражения «частное производство» и «отсутствие планомерности» при описании современного капитализма. «Если мы,—писал Энгельс,—от акционерных обществ перейдем к трестам, которые господствуют над иными отраслями промышленности, монополизируя их, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности». Эти слова Энгельса относятся ко времени первого зарождения монополий. В гораздо большей мере их можно применить к нашей эпохе развитого господства монополистического капитализма. Теперь «некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность... Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями» [2]). Поэтому Ленин называет империализм монополистическим капитализмом. Ныне уже возможен планомерный учет сырья и производства, распределение рынков. «Капитализм уже дорос до организованного н а д з о р а за отдельными предприятиями»,—восклицает Ленин [3]). Капитализм создал формы и способы учета и контроля производства. «Капитализм создал а п п а р а т ы учета, вроде банков, синдикатов, почты, потребительских обществ, союзов служащих» [4]). Сюда же относятся крупные фабрики, железные дороги, профессиональные союзы.

Эти аппараты общественного учета и контроля, их формы и методы уже внутри капиталистического общества составляют материальную основу будущего социалистического общества. В виде примера можно привести банки. «Б е з к р у п н ы х б а н к о в с о ц и а л и з м б ы л б ы н е о с у щ е с т в и м. Крупные банки есть тот «государственный аппарат», который нам н у ж е н для осуществления социализма и который мы б е р е м г о т о в ы м у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь о т с е ч ь то, что к а п и т а л и с т и ч е с к и у р о д у е т этот превосходный аппарат, сделать его е щ е к р у п н е е, еще демократичнее, еще всеоб'емлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике—это уже девять десятых с о ц и а л и с т и ч е с к о г о аппарата. Это—общегосударственное с ч е т о в о д с т в о, общегосударственный у ч е т производства и распределения продуктов, это, так сказать,—нечто вроде с к е л е т а социалистического общества» [5]).

Люди, желающие представить учение Ленина в искаженном свете, всегда изображают дело так, будто, по Ленину, социа-

[1]) Там же, стр. 335.

[2]) Там же, стр. 305.

[3]) Там же, стр. 267.

[4]) Ленин, Удержат ли большевики государственную власть,—собр. соч. т. XIV, ч. 2, стр. 231.

[5]) Там же, стр. 231.

лизм приходит внезапно, неизвестно откуда, словно «Венера из головы Юпитера». Был капитализм, была эксплоатация, произошла революция, рабочий класс уничтожил до основания старый строй, а потом «на голой земле» воздвигнул здание социализма! Само собой разумеется, что это—сплошная клевета. Материальные предпосылки социализма создаются в процессе развития капиталистического общества. Пролетариат не изобретает сам ex nihilo форм и способов учета и контроля. Они выработаны самим капитализмом. Целый ряд аппаратов пролетарское государство берет готовыми в капиталистическом обществе, отметая лишь то, что капиталистически извращает их. Дело пролетариата есть логическое развитие тех процессов обобществления, которые происходят в недрах капитализма.

Война в еще более гигантских размерах толкнула вперед развитие процесса обобществления. Она заставила капиталистов пойти на такие мероприятия, как принудительное синдицирование промышленности государством, введение всеобщей трудовой повинности, продовольственную монополию, регулирование рынка цен, тем самым превратив монополистический капитализм в государственно-монополистический и вплотную «приблизив человечество к социализму»[1]). Ибо что такое социализм! «Меньшевики и эсеры представляют социализм чем-то далеким, неизвестным, темным будущим. А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно практически из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе новейшего капитализма» [2]). «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [3]).

Таким образом перерастание капитализма в империализм и государственно-монополистический капитализм доказывает, что наступление социализма уже экономически становится неизбежным. «Никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически»[4]). Но экономическая зрелость и дана империализмом. В этом и заключается переходный—в условном смысле—характер империализма. «Производство становится общественным, но присвоение остается частным»[5]). Развитие производительных сил достигло такой ступени, что им становится тесно в рамках старых производственных отношений. Империализм делается об'ективно-экономическим кануном социалистической революции.

II.

Если экономическая основа империализма заложена в монополии, вырастающей из самого процесса производства и представляющей собой неизбежный результат в развитии концентрации,

[1]) Ленин, Грозящая катастрофа и как с ней бороться,—Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 208.

[2]), [3]) и [4]) Там же, стр. 209.

[5]) Ленин, Империализм как новейший этап капитализма,—Собр. соч., т. XIII, стр. 254.

то ключ к теоретическому анализу империализма, данному Лениным, находится в его учении о монополии. В системе взглядов Ленина по вопросу об империализме учение о монополии—краеугольный камень. Наиболее коротким основным определением, которое он дает империализму, служит «монополистический капитализм». Это определение не содержит полной характеристики империализма, но указывает на основную всеопределяющую особенность его.

В понимании капиталистической монополии Ленин отнюдь не является только популяризатором других теорий, как думают многие и о всем учении Ленина об империализме. Наоборот, лишь чрезвычайно глубокое самостоятельное теоретическое понимание сущности капиталистической монополии позволило ему создать такое учение, которое обладает монолитной цельностью, хорошо отличающей его от многочисленных «ученых» теорий, построенных по всем требованиям внешней респектабельности, и которое служит чрезвычайно крупным революционным орудием в руках борющегося пролетариата.

У нас часто знают о том, что, по Ленину, империализм есть монополистический капитализм, но не знают теоретического понимания монополии, даваемого Лениным и служащего источником всех остальных теоретических положений об империализме. Анализ взглядов Ленина с этой точки зрения приобретает тем большее значение, что в основу изучения империализма монополия кладется, как основной факт современной экономической действительности, большинством экономистов, в том числе принадлежащих к «социалистическим» партиям. Любой из них видит все большее поражение хваленого принципа свободной конкуренции и замену его принципом монополии. Но далеко не всякий дает этому явлению одинаковое толкование. Между пониманием капиталистической монополии апологетами капитализма и оппортунистами социал-демократии, с одной стороны, и Лениным, с другой, существует глубокое различие, «его же не прейдеши». Несомненно, это различие определяет и противоположность выводов о сущности, характере и судьбах империализма.

Не менее важно определение теоретических взглядов Ленина и потому, что процесс развития монополий не только не прекратился в военный и послевоенный период, но приобрел еще более мощный темп. Монополистический характер господства капитала никогда не был так очевиден, как в настоящее время. Монопольная власть капиталистических союзов распространяется через границы государств и морские океаны. Монопольный обруч связывает воедино все мировое хозяйство. В гигантском росте монополий во всем мире кое-кто видит наступление новой благодатной эры для капитализма. В монополиях кое-кому маячит свет мирного пришествия социализма. Иллюзии порождаются теоретическим непониманием капиталистической монополии.

Для уяснения специфических черт ленинского понимания капиталистической монополии, весьма целесообразно остановить предварительно свое внимание на оценке, дававшейся этому явлению экономистами из «социалистического» лагеря. Противоположность взглядов настолько ярка и поучительна, что она как нельзя лучше и рельефнее оттеняет самое ценное, важное в учении Ленина.

Приведем несколько примеров.

Вот перед нами Отто Лейхтер (Dr. Otto Leichter), занявшийся специально проблемой перехода от капитализма к социализму в экономической области. Издание его книги «Хозяйственное исчисление в социалистическом обществе» (Die Wirtschaftsrechnung in der sozialistischen Gesellschaft) в известных «Marxstudien-Blätter zur Theorie und Politik des wissenschaftlichen Sozialismus», выходящих под редакцией Макса Адлера и Рудольфа Гильфердинга в Вене, дает гарантию в том, что автор марксист, находящийся на службе Второго Интернационала. Отто Лейхтер серьезно и глубоко понимает процесс изменения экономической роли рынка и конкуренции в монополистическом капитализме, в отличие от эпохи раннего капитализма. «В раннем капитализме значение конкуренции было без сомнения гораздо больше, чем теперь. Тогда капиталистическое производство со всеми своими техническими чудесами было еще «новой землей»... На рынке тогда сталкивались и разрешались противоречия высоко прогрессивной и плохо развитой производственной техники..; низкая цена, лучшее качество побивали все находящиеся на рынке продукты ремесленного производства... Тогда мы имели дело с промышленной, в особенности, технической революцией. Это была еще героическая эпоха. Теперь время промышленных революций прошло... исчезли огромные различия в способе производства... Исчезли также в развитом капитализме и «производственные тайны»[1]). Теперь каждый предприниматель знает все, что он должен знать о своих конкурентах. Отпадает и следующий момент антагонической формы конкуренции. Рабочие переходят из одного предприятия в другое и приобретают знания о лучших методах производства внутри своей отрасли... Служащие меняют часто свои места... Организаторы фабрик проходят через множество предприятий и применяют в них опыт своей организаторской деятельности... Каждый продавец информирован о всех продажных ценах в предприятиях своей отрасли... Этому служат и образцовые и товарные ярмарки и т. д. Нужно прибавить и все то, что мы называем производственным контролем рабочих и служащих в капиталистическом обществе... и что служит элементом развития к социалистическому обществу внутри капитализма... Параллельно идет хорошо известно и достаточно исследованное слияние отдельных предприятий в картели и тресты.., внутри которых антагонистическая форма конкуренции уже уничтожена»[2])...

В приведенных строках процесс ликвидации старой антагонистической формы конкуренции внутри капиталистического хозяйства, или, как выражается Лейхтер, «дефетишизации рыночного

[1]) Ср. Ленин, Грозящая катастрофа и как с ней бороться,— Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 191, где Ленин пишет: «Если торговая тайна неизбежна в мелком товарном хозяйстве, т. е. среди мелких крестьян и ремесленников, где само производство не обобществлено, распылено, раздроблено, то в крупном капиталистическом хозяйстве охрана этой тайны есть охрана привилегий и прибылей буквально горстки людей против всего народа».

[2]) Dr. Otto Leichter, Die Wirtschaftsrechnung in der sozalistischen Gesellschaft. Marx Studien Blätter zur Theorie und Politik d. wissenschaftlichen Sozialismus. Herausgegeben von Dr. Max Adler und Dr. Rudolf Hilferding, fünfter Band, I. H., Wien 1923, S. 34, 35, 36.

хозяйства», изображен так красочно и убедительно, что прибавить остается очень не много. И тем не менее в этой умело набросанной картине «перерождения» клеточек рыночного капиталистического хозяйства заключается большой и опасный дефект. Процесс уничтожения конкуренции и рационализации общественных отношений в капиталистическом хозяйстве развивается далеко не так просто, безболезненно, привлекательно, как по Лейхтеру. В действительности не все идет к лучшему в этом лучшем из миров. К гармоническому организованному хозяйству нас ведет совсем не такая прямая и красивая дорога собственного самоотрицания капиталистической конкуренции. Рост рационалистических элементов в капиталистическом хозяйстве сопровождается ростом экономических противоречий во всей системе. Самое «врастание» и господство монополий есть чрезвычайно болезненный процесс. На-ряду с положительными процессами обобществления и рационализации экономических отношений растут и противоположные, отрицательные процессы, порождаемые анархией, неорганизованностью хозяйства. Все это происходит на общей основе товарного производства и взаимной конкуренции, принимающей все более ожесточенные формы. Вот этой отрицательной стороны процесса развития капиталистических монополий у Лейхтера не найти. В этом порочность всей схемы, весьма привлекательной на внешний вид.

Если учение о капиталистической монополии проходит мимо основных глубоких противоречий в существе и росте монополистических процессов, то оно неизбежно обречено на апологию. Вместо теоретического революционного диагноза получается апологетическая сказка про всеисцеляющие монополии. Такая судьба постигла большинство «социалистических» писаний о монополиях и империализме. Четкая и теоретически ясная линия отделяет от них учение Ленина.

Социал-демократическая теория и политика в вопросах частно-капиталистической и государственно-капиталистической монополии, за время, отделяющее нас от первых учеников Маркса и Энгельса, проделала интереснейший в истории цикл развития, приведший к полному отрицанию «ценностей», которым когда-то она же сама поклонялась, и к ныне уже цельному извращению экономической теории империализма на струвистский манер.

Социал-демократия начала с «фронтальной» атаки на капиталистические монополии и «государственно-социалистические» заигрывания правительств (например, Бисмарка в Германии). Не поняв еще сущности развивающихся монополий, но зато видя в капиталистической конкуренции корень основных противоречий капитализма, социал-демократия становится на доктринерскую позицию «отрицания» самих монополий, так же неудачную, как позиция физического «отрицания» машин рабочими в первые годы развития машинной техники.

Эта точка зрения, революционная и доктринерски-ограниченная одновременно, получила свое выражение в следующих словах французского социалиста Жюля Гэда. «В борьбе, которую мы должны вести против существующего общественного строя, конкуренция является нашим могущественным союзником. Она делает необеспеченным существование разнообразней-

ших общественных групп, создает на-ряду с все уменьшающимся числом победителей все возрастающую массу побежденных, беспрерывно увеличивает армию недовольства и обеспечивает ей победу. Уже потому, что общественные предприятия ограничивают и даже совсем устраняют плодотворные результаты конкуренции, рабочая партия должна вести прямую борьбу против них» [1])...

Отрицательное отношение прежней социал-демократии к монополиям было вполне увязано и с борьбой против «государственного социализма» и иллюзий, вызываемых им. «Вместо того, чтобы вооружать то государство, которое, находясь в руках буржуазии, является нашим смертельным врагом,—мы должны его разоружить»,—продолжает Жюль Гэд [2]). «Вся политическая позиция нашей партии определяется борьбой (Gegensatz) с государственным социализмом»,—говорит Вильгельм Либкнехт в 1892 году на партейтаге германской с.-д. В классической блестящей формулировке выражает Ж. Гэд основное положение революционной марксистской партии: «Рабочая партия, сознательная часть нашего пролетариата, останется верна паролю: сначала революция, т.-е. политическое и экономическое низвержение господства капиталистических классов,—а уже потом общественные (государственные) предприятия, так как действительно общественные предприятия возможны только после того, как все классы сливаются в один класс производителей» [3]).

Революционная позиция социал-демократии времен Либкнехта и Гэда не позволила ей разом дать теоретически и политически правильную оценку развивающегося процесса упразднения свободной конкуренции. Но зато как поразительно правильно, что конкуренция между капиталистами является крупнейшим союзником пролетариата! Спустя добрых три десятка лет, сопровождавшихся чудовищным ростом монополий, эта давняя гэдовская формулировка указывает на самое главное противоречие капитализма, которое должно его взорвать и ныне. Конечно же, капитализм падет от двух смертельных ударов: от обострения внутренних противоречий, основанных на анархии капиталистического производства, и от возрастающего натиска пролетариата.

Как глубоко правдив поныне и другой пароль Гэда: сначала революция, а потом обобществление и развитие к социализму! Ведь это «не в бровь, а в глаз» нынешним социал-демократам, рассеявшим «иллюзии» времен Гэда и Либкнехта о возможности сопротивления монополиям, но зато «ничтоже сумнящеся» ставшим на путь движения к «государственному социализму», ибо к этой пристани так спокойно причаливает ладья капиталистической монополии.

Предоставим же слово им самим, разрушителям «иллюзий», противникам «слепо штурмующей храбрости». Уж они-то «поймут» преобразовательную роль монополистических процессов! Над «наивностью» Гэда они посмеются!

[1]) Jules Guesde, Services publics et Socialisme, 1883. Цитирую по сборнику „Monopolfrage und Arbeiterklasse", Berlin 1917, S. 178.
[2]) Там же, стр. 178.
[3]) Там же, стр. 179.

«Жюль Гэд,—пишет Макс Шиппель,—является ревностнейшим панегириком свободной конкуренции, (Lobredner der freien Konkurrenz), лозунга неограниченного капиталистического «laisser faire, laisser passer» во всей области организации производства для промежуточной эпохи вплоть до полного проведения цельного социализма!? Непоколебимый сторонник манчестерства вплоть до социальной катастрофы, а затем одним удивительным могучим прыжком прямо в новый мир социалистической организации производства!? До того времени никаких переходных форм (Uebergangsgebilde) и никаких вмешательств в экономические отношения с целью регулирования!?» [1]).

Таков «смешной» Гэд в изображении Макса Шиппеля. Последний совершенно свободен от подозрений в подобных «иллюзиях». Для него развитие к социализму не «внезапный прыжок» из царства свободной конкуренции в царство хозяйственного плана и социалистической организации. «Не внезапный прыжок, а постепенный процесс преобразования может создать более высокий хозяйственный строй... Дело идет, таким образом, для ближайшего времени не о плоском противопоставлении капитализма и социализма, но исключительно о выборе между переходными и смешанными формами, которые приобретают то привлекательный, то отталкивающий вид вследствие все более сильного влияния капитала или труда» [2]). Не борьба против капиталистических монополий, так как «социализм не заинтересован в раздроблении и анархии производства» [3]), а «подчинение их общественному контролю» [4]),—вот задача, которую ставит социал-демократия.

Понятно, что это принципиально изменяет и ее отношение к государству. Государству предстоит гигантская роль в этом «преобразовании» капиталистических монополий! Теперь прежнему «плоскому» противопоставлению себя государству нет места! Не сломать, а «подчинить» себе государственный аппарат! Впрочем... «после 4 августа 1914 г. об отрицании государства в старом смысле Гэда и Либкнехта,—пишет Вильгельм Янсон,—не может быть и речи... Такое отношение к государству теперь меньше, чем когда бы то ни было, может быть основой практической политики рабочего класса. Нельзя больше «отрицать» то государство, которому многие и многие тысячи из нас отдали лучшие силы (sic!) своей жизни» [5])...

Думается, довольно. Прочесть этот последний, прямо мерзостный, аргумент патриотического социализма—слишком достаточно для того, чтобы узреть путь собственного самоотрицания, пройденный социал-демократией по всем правилам диалектики! Классическая метаморфоза социал-демократии—превращение ее из партии пролетарской революции в партию государственного порядка—эволюция, проделанная социал-демократией на почве... поучительнейших споров «за или против монополии».

[1]) Max Schippel, Parteigeschichtliche Rückblck, S. 177. Цитирую по тому же сборнику „Monopolfrage und Arbeiterklasse".
[2]) Там же, стр. 215, 216.
[3]) Wilhelm Jansson, Für oder wider die Monopole S. 226.
[4]) Там же, стр. 227.
[5]) Там же, стр. 237.

Лучшие из социал-демократов не избегли этой участи. Каутский, Кунов, Гильфердинг... Имя Гильфердинга связано с одним из лучших трудов марксистской экономической мысли. Но это было давно... Теперь Гильфердинг тоже олицетворяет собой «последнюю новость» социал-демократической литературы по вопросу о монополиях и империализме. Но какую! То немногое, что было оппуртунистического в «Финансовом капитале» и что не могло в основном умалить значения этой книги, возведено в степень, дополнено, развито в систему современным Гильфердингом. Скромное «теоретическое» предположение прежнего Гильфердинга о возможности мирового генерального картеля стало действительностью в воззрениях Гильфердинга «послевоенной формации». Монополии привели Гильфердинга прямехонько путем к... организованному (!) капитализму!

Гильфердинг пишет: «Военный и послевоенный периоды принесли в хозяйстве необычайный рост тенденций к концентрации капитала. Развитие картелей и трестов приняло еще более гигантские размеры. Период свободной конкуренции приходит к концу. Огромные монополии становятся решающими владыками в хозяйственных отношениях. Все теснее становится связь с банками. «Все это означает переход от капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму... Непостоянство капиталистических отношений производства уменьшается. Кризисы или, по крайней мере, их отрицательное влияние на рабочих смягчаются... Безработица становится менее грозной, ее последствия устраняются посредством страхования» и т. д.[1]).

Мудрено ли, что, нарисовав такую сладкую идиллию расцвета организованных элементов хозяйства внутри капитализма, Гильфердинг видит единственную миссию пролетариата в том, чтобы последний добился еще только «хозяйственной демократии». А тогда... тогда наступит долгожданный социализм! Как «просто», «мирно», «прочно» подвозит нас поезд истории к социализму, по Гильфердингу! Какой удивительно «милый», этот социализм Гильфердинга! Такой «чинный», «естественный», развивающийся на основе «имманентных» экономических законов!

Шиппели, Янсоны, Куновы, Каутские, Гильфердинги и легионы социал-демократических писателей изображают капиталистическую экономику империализма в виде неуклонно эволюционизирующего в сторону социализма хозяйства. Не обострение и воспроизводство экономических противоречий, а постепенное накопление элементов организованного хозяйства внутри капитализма—вот тот путь, которым человечество придет к новому общественному строю. Вся серия политических измен и теоретических ревизий марксизма со стороны социал-демократии основывается на этом «коренном» положении. От него все качества. Да иначе и быть не может. Здание оппортунистического «марксизма» построено со своеобразной цельностью, отдельные его части прилажены друг к другу. Фундамент этого здания составляет экономическая теория. В ней социал-демократами произведена коренная ревизия революционного учения Маркса о капитализме. Подобно Струве и другим русским «легальным марксистам» 90-х г.г., международная социал-демократия превратилась в апологета капиталистических отношений.

Преодоление оппортунизма требует прежде всего полного разоблачения «подвигов» социал-демократии в области экономической теории.

[1]) R. Hilferding, Probleme der Zeit, S. 1, 2, 3.—„Gesellschaft", Nr. 1 April 1924, Herausgegeben von Dr. Hilferding.

III.

Большая теоретическая заслуга Ленина состоит в том, что он со свойственной ему ясностью и определенностью обнаружил полный разрыв с марксизмом социал-демократических писателей об империализме. «Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма; противоречие между монополией и существующей рядом с ними свободной конкуренции, между гигантскими «операциями» финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке; между картелями и трестами, с одной стороны, и некартеллированной промышленностью—с другой, и т. д.»[1]).

Из приведенного места видно, в чем Ленин усматривал основное противоречие монополистического капитализма. По Ленину, для империализма характерно не господство одних монополий, а борьба, глубокая, жестокая, безысходная борьба между монополиями и существующей рядом с ними конкуренцией, анархией, неорганизованностью. Эта борьба и должна погубить империализм. Именно это затушевывают Каутский и К°. Именно это подчеркивает неустанно Ленин. Нет ничего более ошибочного, как не видеть этого главного отличия учения Ленина об империализме.

«Монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над нею и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крупных противоречий, трений, конфликтов»[2]).

«Капиталистическая монополия—монополия, выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой»[3]).

«Новый капитализм, пришедший на смену старому, характеризуется чертами чего-то переходного, какой-то смеси свободной конкуренции и монополии»[4]).

«Соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии и существенно для империализма»[5])...

Можно было бы привести еще огромное количество подобных мест из Ленина. Но и приведенные выше неоспоримо свидетельствуют о том, что теоретический анализ монополистического капитализма, данный Лениным, тем и отличается от всех осталь-

[1]) Ленин, Империализм,—Собр. соч., т. XIII, стр. 328.
[2]) Там же, стр. 305.
[3]) Там же, стр. 314.
[4]) Там же, стр. 2 5.
[5]) Ленин, Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы,—Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 121.

ных, что, по Ленину, империализм есть глубокая, внутренняя, безысходная борьба, порождающая неисчислимое количество других противоречий, между монополией и свободной конкуренцией. Это—принципиальная граница между воззрениями Ленина и других «критиков империализма». Именно под этим углом зрения на учении Ленина необычайно ярко освещается вся бешеная непримиримая борьба Ленина против всяческих извращений марксистского понимания империализма.

Было бы, однако, неверным сказать, что Ленин выковал свою теорию монополий и империализма только в борьбе с социал-демократическим оппортунизмом. Ленин был решителен и в борьбе со сторонниками теории так называемого «чистого империализма». Взгляды наших товарищей, которые делали из теории империализма орудие для оправдания своего отказа от программы-минимум; которые в наступлении империализма видели доказательство того, что ряд проблем рабочего движения эпохи капитализма свободной конкуренции, как-то: национальная проблема, вопрос о демократии и т. д.,—сняты самой жизнью, подобно тому, как ряд основных характерных черт старого капитализма ушли в прошлое истории, которые превращали учение об империализме в средство обоснования «ультра-левой» политической и экономической фразы и до, и после революции,—находили у Ленина категорический отпор.

Ленин в 1916 г., вскоре после написания своей основной книги об империализме, считает необходимым резко и решительно откликнуться на один из подобных «анализов» империализма, сделанный П. Киевским (Ю. Пятаковым), квалифицируя его, как «образчик карикатуры на марксизм» [1]). В феврале 1917 г., отзываясь об «ультра-левых» ошибках тов. Бухарина, основанных на его невполне правильном понимании империализма, Ленин пишет по этому поводу иронически в письме к А. Коллонтай о «соблазнах» и «опасностях» для некоторых товарищей, заставляющих их «спотыкаться кажинный раз на эфтом самом месте» [2]). Позже вплоть до VIII с'езда партии, при обсуждении вопросов партийной программы, Ленин считал своим долгом, на-ряду с борьбой против «радикального» предложения об упразднении программы-минимум, всегда выступить и против «неверных обобщений об империализме», против «книжного изложения финансового капитализма», против изображений в теории какого-то «цельного», «чистого империализма», который «будто бы насквозь переделал» капитализм и при наличии которого задача экономического преобразования общества пролетариатом после революции была бы «во сто тысяч раз легче», но который «в действительности никогда и нигде не существовал и существовать не будет» [3]).

Освещение вопросов теоретической полемики об империализме, имевшей место в рядах нашей партии с «левыми», в настоя-

[1]) Ленин, О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»,—Собр. соч., т. XIII, стр. 340.

[2]) Ленинский сборник, т. II, стр. 282.

[3]) Доклад Ленина о партийной программе на VIII с'езде РКП,—Собр. соч., т. XVI, стр. 112, 114, 115.

щее время отнюдь не является просто бесполезным воспоминанием старых разногласий. Теоретическая проблема капиталистических монополий и империализма теперь сызнова стала во весь рост перед рабочим движением всего мира и требует чрезвычайной теоретической ясности. Неверные трактовки, казавшиеся раньше лишь «книжными», «схематичными» и безобидными, в действительности *теперь* могут породить целый ряд ложных представлений о самой сущности империализма и линии его развития. При этом «левые» теоретические уклоны в трактовке империализма на практике могут, а часто неизбежно должны, сочетаться с «правым» непониманием задач и условий политической борьбы пролетариата.

Центральная ошибка в понимании империализма, в которой Ленин обвинял «левых», состояла в теоретически неправильном и не соответствующем действительности представлении о монополистическом капитализме, как о такой стадии в экономическом развитии, которая будто бы в основном переделывает или почти переделывает отличительную особенность старого капитализма—анархия, обмен, товарное хозяйство, кризисы и т. д.—т.-е. все то, что свойственно капитализму, как обществу, основанному на частной собственности и анархии производства.

Самым распространенным в этом отношении ошибочным взглядом является представление о так называемых «государственно-капиталистических трестах», наиболее полно выраженное у тов. Бухарина, но встречающееся и у ряда других авторов[1]). «Капиталистическое народное хозяйство,—пишет т. Бухарин,—превратилось *из иррациональной системы в рациональную организацию*, из бессуб'ективного хозяйства в хозяйствующего суб'екта...» [2]). «Организованно распределяемый внутри страны продукт» не является уже товаром, и становится таковым лишь постольку, поскольку его бытие связано с существованием мирового рынка» [3]). «*Организация производственных отношений финансового капитализма*» приближается к типу «*универсальной государственно-капиталистической организации, с уничтожением товарного рынка, с превращением денег в счетную единицу, с организованным в государственном масштабе производством...*» [4]).

Подобных же взглядов придерживается и Н. Осинский. Подводя итоги своему анализу государственно-монополистского капитализма, Осинский пишет: «Итог: отмирание капитализма, как *товарного* хозяйства, в котором приспособление производства к потреблению создается путем спроса и предложения на рынке и конкуренции независимых собственников, а рабочая сила составляет товар...» [5]).

Аналогичная «нота» звучит и у Л. Крицмана в его новой книге «Героический период великой русской революции», в ко-

[1]) Ниже приводимые цитаты взяты из книг, не служивших непосредственно предметом полемики с тов. Лениным, так как они были написаны позднее. Но в них мы имеем наиболее законченные формулировки взглядов «левых».

[2]) Н. Бухарин, Экономика переходного периода, 1921, стр. 14.

[3]) Там же, стр. 15.

[4]) Там же, стр. 34.

[5]) Н. Осинский, Строительство социализма, 1918, стр. 13.

торой он считает, что капитализм «эволюционировал» от «анархического товарного производства» к «планомерному», «натуральному производству» [1]), и что в этой сфере «хозяйственное строительство пролетариата выступает не как революция, а как продолжение эволюции, организационной работы старого общественного строя» [2]).

Вышеуказанным авторам государственно-монополистический капитализм рисуется в виде единого организованного целого, в виде хозяйственной системы, уничтожившей анархию производства в пределах государственной территории, в виде «государственно-капиталистического треста». Внутри этого треста, как внутри всякого треста, уже нет конкуренции, товарного хозяйства, кризисов, порождаемых внутренними противоречиями. Что же является ошибочным в подобной картине?

Конечно, не то, что свободная конкуренция имеет тенденцию к превращению в монополию, что современный капитализм характеризуется господством монополистических союзов, а не индивидуальных собственников, и что государство превращается в «служанку» монополистических групп капиталистов. Ошибочное определяется тем, что в жизни рядом с монополиями продолжает существовать свободная конкуренция, что монополистические группы продолжают вести, ведут между собой ожесточенную борьбу на рынке, что на-ряду с «общностью» интересов монополистических групп внутри государства, между ними есть глубокие противоречия интересов, и что самое определение «государственно-капиталистический» трест можно принять только cum grano salis. Названные авторы «переоценивали» эволюцию капитализма к к упразднению товарного хозяйства и «не дооценивали» глубоко заложенную в капитализме анархию производства, основанную на частной собственности. Переход от анархического к планомерному производству отнюдь не так прост для строя капиталистических собственников. Он не может произойти в рамках последнего. Для этого нужна революция не менее насильственная и глубокая, нежели экономическая экспроприация экспроприаторов.

Есть еще один момент, который ставит под сомнение теорию «государственно-капиталистического треста». Это—существование сельского хозяйства, колоний и доминионов. Современное капиталистическое «народное хозяйство» представляет собой чрезвычайно сложный экономический комплекс, особенно потому, что оно не может жить ни без «аграрного дополнения» внутри метрополии, ни без доминионов и колоний, входящих тоже составными частями в «народно-хозяйственный» организм. Именно это обстоятельство делает особенно непригодной теорию «государственно-капиталистического треста». Во взаимоотношениях между индустрией и сельским хозяйством, метрополией и колониями получает свое выражение непрекращающаяся борьба монополии и свободной конкуренции, империализма и молодого неискушенного капитализма. Эти отношения никак, конечно, нельзя подвести под категорию отношений технического разделения труда между частями одного единого комбинированного треста.

[1]) Л. Крицман, Героический период великой русской революции, стр. 58.

[2]) Там же, стр. 99.

Но теория «государственно-капиталистического треста» оказывается неверной не только потому, что она не видит общей базы капитализма, на которой вырастает «государственно-капиталистический трест», существующий рядом с монополией свободной конкуренции, борьбы между и внутри монополистических союзов на данной государственной территории, наличия отнюдь не монополистически организованной сельско-хозяйственной и колониальной периферии, являющейся постоянной питательной основой для нового капитализма. Ее уязвимость ярко обнаруживается также при попытке применения ее в области теоретического анализа мировой хозяйственной системы империализма. Самой актуальной проблемой в кругу вопросов мировой экономики империализма является проблема единого мирового капиталистического треста. Возможен ли таковой? Идем ли мы действительно к «организованному» мировому капитализму под эгидой американского капитала, как проповедуют партии Второго Интернационала? Или красивая теоретическая концепция господ Гильфердингов находится в непримиримом противоречии с фактами неорганизованности, борьбы, конкуренции, на которых основан и которых не в силах уничтожить капитализм?

Вряд ли теория «государственно-капиталистического треста» может служить хорошим орудием для борьбы против подобных иллюзий. Абстрагируясь от основных трудностей развития монопольных процессов внутри народного хозяйства, от сложной экономической действительности анархического капиталистического хозяйства, на основе которой устанавливают свое господство монополистические союзы внутри страны, эта теория расчищает путь для подобного же «теоретизирования» в вопросах создания мирового капиталистического треста. Если бы действительно все мировое хозяйство представляло собой только совокупность связанных мировым рынком нескольких государственно-организованных трестов, то возможность образования мирового треста была бы необычайно велика. Тем более, если вспомнить о наличии «синдикатов государственно-капиталистических трестов (Лига наций и пр.)», в которых «тенденции к организации хозяйства выступают за пределы отдельных государств» [1]). При подобном положении была бы вполне вероятна та перспектива, которую имеет в виду и сам тов. Бухарин. После окончания мировой войны, в случае победы одной коалиции держав над другой, «капиталистический строй имел бы много шансов выпрямиться; «залечив раны», т.-е. возобновив сношенные и разрушенные части постоянного капитала, капиталистический способ производства получил бы возможность некоторого дальнейшего развития, и притом в высшей, более централизованной форме, чем до сих пор» [2]).

В живой действительности, однако, дело обстоит не так. «Эра соглашения» в мировом капиталистическом хозяйстве встречает на своем пути гораздо больше затруднений. Противоречие и борьба между свободной конкуренцией и монополией внутри «государственно-капиталистических трестов», постоянная диспропорция между индустрией и сельским хозяйством, огромный хозяйственно неорганизованный колониальный мир, входящий в каждый «государственно-капиталистический трест», противоречия и

[1] Н. Бухарин, Экономика переходного периода, стр. 36.

[2]) Там же, стр. 4..

неравномерности в развитии отдельных предприятий, отраслей производства, стран, монопольное давление организованных капиталистов на «диких», монопольная эксплоатация немонопольно продаваемой рабочей силы,—все это вдесятеро труднее делает соглашение и борьбу между государственными единицами в вопросах рынков сбыта, сырья, капиталов, рабочей силы.

В лице «государственно-капиталистических трестов» мы имеем не организованные планомерные хозяйства, в собственном смысле слова, а форму монополистического господства финансово-капиталистических групп данного государства на общем базисе старого капитализма и конкуренции. В экономической жизни отдельных стран самым существенным является переплетение монополии и свободной конкуренции, рост монополий и организованности на фоне и в противоречии с частной собственностью и анархией производства, победить которые окончательно империализм не может.

Насколько не соответствуют действительности схемы «государственно-капиталистических трестов» показывает, например, следующее построение тов. Бухарина в его книге «Империализм и накопление капитала». Возражая Розе Люксембург, он считает нужным, между прочим, аргументировать вызовом в свидетели «государственного капитализма». «Представим себе коллективно-капиталистический строй (государственный капитализм), где капиталистический класс об'единен в единый трест, и где, следовательно, перед нами организованное, но в то же время антагонистическое, с точки зрения классов, хозяйство»[1]). Здесь нет «анархии производства», а есть рациональный, с точки зрения капитала, план». «Никакого кризиса перепроизводства, несмотря на «недопотребление» масс, здесь получиться не может... ибо заранее дан как спрос со стороны каждой отрасли производства по отношению к другой, так и потребительский спрос»[2])...

Конечно, тов. Бухарин абсолютно прав в том, что, несмотря на недопотребление масс, но при соблюдении соответствия предложения и спроса, производства и потребления, кризиса совершенно не будет. Но где в мире существует «государственный капитализм», подобный «государственному капитализму тов. Бухарина»? Какой «государственно-капиталистический строй» совсем упраздняет «анархию производства»?[3]). В каком «государственно-капиталистическом» обществе заранее дан спрос производственный и спрос потребительский? Подобного «государственно-капиталистического» строя нигде, ни в одной стране никогда не существовало. Это—вымышленное, несоответствующее «грешной» действительности экономическое общество. В подобном экономическом обществе, конечно, кризисы были бы невозможны. Но и подобное экономическое общество тоже невозможно.

Правда, тов. Бухарин делает раз'яснение для «грамотного читателя», что такой «государственный капитализм» есть «абстрактный, «идеальный» тип общественной структуры, а не эмпирически данное общество»[4]). Но для чего нужен в экономической науке

[1]) Н. Бухарин, Империализм и накопление капитала, стр. 83.
[2]) Там же, стр. 84.
[3]) Почему «анархия производства» заключена в кавычки, непонятно.
[4]) Там же, стр. 87.

такой «идеальный» тип «организованного, но антагонистического общества»? Какую познавательную ценность он имеет для нас? Подобная «абстракция» имела бы смысл только в том случае, если бы она соответствовала основной тенденции в современном капиталистическом обществе. Но этого-то как раз и нет. Основной тенденцией капиталистического строя является не процесс превращения его из анархического в планомерно организованный хозяйственный строй. Этого произойти не может без революции, глубокой, основной, в корне изменяющей основы капиталистической экономики. Основная тенденция капитализма—это все большее обострение экономических противоречий, все более острое столкновение растущих производительных сил с капиталистической анархией производства, все большее несоответствие между вырастающими на почве капиталистической неорганизованности процессами обобществления и этой самой неорганизованностью.

Монополии составляют только наслоение на капиталистической экономике, но существа и тенденции ее они изменить не в силах. Извне и изнутри отдельных производств, отраслей, стран монополистические процессы пересекаются в капиталистическом обществе противоположными процессами, характеризующими несоответствия, неорганизованность, конкуренцию капитализма. На мировом рынке борьба этих двух процессов принимает наиболее острые, гигантские, яркие формы. Поэтому неорганизованность мирового хозяйства так очевидна для всякого беспристрастного наблюдателя. Но ошибочно было бы отсюда делать вывод, будто бы внутри государственно-капиталистических хозяйств неорганизованность уже упразднена. Наоборот, мировая анархия капитализма есть не что иное, как сгущенная, концентрированная анархия глубоких основ капиталистических отношений во всех странах.

Вот как Ленин отзывается о теории «чистого империализма»: «Главнейшие и наиболее существенные особенности капитализма, как общественно-экономического строя, *не* изменены в корне империализмом, эпохой финансового капитала. Империализм является продолжением развития капитализма, его высшей стадией»... «Империализм не перестраивает и не может перестроить капитализм снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободной конкуренцией монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может»[1]).

«Империализм есть отживающий, но не отживший капитализм, умирающий, но не умерший. Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами,—существеннейшая особенность империализма вообще».

«Теоретически неправильно выкинуть (из партийной программы) анализ обмена, товарного производства, кризисов и т. п. вообще и «заменить» этот анализ анализом империализма, как целого. Ибо такого целого нет. Есть переход от конкуренции

[1]) Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы,—Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 120.

к монополии, и гораздо правильнее будет, поэтому, гораздо точнее воспроизведет действительность такая программа, которая оставит общий анализ обмена, товарного производства, кризисов и пр., добавляя характеристику вырастающих монополий. Именно это соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии и существенно для империализма, именно оно и подготовляет крах, т.-е. социалистическую революцию»[1].

«Чистый империализм, без основной базы капитализма, никогда не существовал, нигде не существует и никогда существовать не будет. Это есть неверное обобщение всего того, что говорилось о синдикатах, картелях и трестах, финансовом капитализме»[2)]... «Никогда в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Описать такую систему это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную... Империализм и финансовый капитал есть надстройка над старым капитализмом»[3]).

IV.

Прежде чем перейти к рассмотрению главных выводов, которые Ленин делает из своего понимания капиталистической монополии, необходимо остановиться еще на одном моменте. Как мы видели, Ленин подчеркивает капиталистический характер монополии. Монополии, даже в их государственно-капиталистическом выражении, не могут упразднить окончательно ни частной собственности, ни конкурентной борьбы между капиталистами.

На первый взгляд может показаться, что подобная точка зрения мало отличается от воззрений тех экономистов, которые не видят преобразовательно-революционизирующего значения монополий, подготавливающих переход к более высокому социалистическому общественному строю. «Естественно напрашивается вопрос, к чему «переходит» этот новейший капитализм, но поставить этот вопрос буржуазные ученые боятся»[4]).

Виднейший буржуазный экономист Лифман, сосредоточивший свое исключительное внимание на картелях и трестах и считающийся лучшим буржуазным специалистом по вопросам финансового капитализма, действительно и не ставит этого вопроса. В росте монополий он не только не усматривает признаков подготовления предпосылок для социализма, но, наоборот, считает монополию таким же «изначальным» принципом деятельности индивидуального хозяйства, как и конкуренцию. В статье[5]), особо посвященной вопросам теории монополии, он говорит: «Конкуренция и монополия существуют рядом друг с другом»[6])... «Целью каждого отдельного хозяйства, очевидно, является монопольное положение»... «Но монополия ведет к конкуренции. С другой стороны, конкуренция ведет к монополии»[1]). «Монополия есть высший результат (der Gipfel) конкуренции, а всякая конкуренция в конечном счете есть не что иное, как стремление к монополии»[2]). И наконец: «Монополия не в меньшей мере является организационным принципом обмена, чем конкуренция»[3]).

Монополия и конкуренция, по Лифману, сосуществуют, переходят друг в друга, порождают друг друга. Чем сильнее конкуренция, тем она все более расчищает почву для монополии, и, наоборот, чем интенсивнее монополисты используют свое положение, тем острее становится конкуренция. Монополия и конкуренция прекрасно дополняют друг друга. Сочетание их в хозяйственной действительности—вот экономический идеал, воодушевляющий Лифмана и вытекающий, по его мнению, из основных побуждений всякого хозяйствующего суб'екта. Монополия и конкуренция у Лифмана возведены в «ранг» основных принципов не только капиталистического хозяйства, но и всякого экономического строя, ибо обмен—в такой же степени принадлежность человеческого общества, в какой не является принадлежностью собак и других животных[4]).

Понятно, что с подобным теоретическим «анализом» существа капиталистической монополии ничего общего не имеет Ленин. Монополистический капитализм, по Ленину, есть высшая историческая фаза в развитии капитализма, от которой дальше нет иного пути, «перехода», как к социализму. Монополии и соответствующие им изменения материально подготовляют социализм. Общество, доросшее до учета, надзора, контроля, до величайшей концентрации при капитализме, тем самым созрело для «введения» социализма. Мы видели, как Ленин считает историческую подготовку социализма растущими процессами обобществления основным экономическим изменением в эпоху империализма. Установление исторического «превращения», происходящего в сфере капиталистической экономики, есть большое отличие марксистского анализа империализма от всякой буржуазно-либеральной à la Liefmann «теоретической» болтовни.

С этой точки зрения представления экономистов о конкуренции и монополии, как о «вечных» принципах в деятельности хозяйствующих суб'ектов, служат лишь доказательством ограниченности буржуазного кругозора, неспособного понять современное хозяйство в его историческом своеобразии. Когда Лифман говорит, что монополия всегда есть конечная цель всякого отдельного хозяйства, то должно быть совершенно ясным, что между таким пониманием монополии и историческим пониманием их нет ничего сходного. Монополии, как общественное экономическое отношение—Tauschkonstellation, по выражению Лифмана—есть глубоко историческая категория, характерная для новейшей фазы капитализма, а отнюдь не «извечный» принцип хозяйственного поведения. Смешение одного и другого понимания есть простая игра слов, а не экономический анализ.

---

[1]) Там же, стр. 121.
[2]) Ленин, Доклад о партийной программе на VIII с'езде РКП,—Собр. соч., XVI, стр. 112.
[3]) Там же, стр 114.
[4]) Ленин, Империализм,—Собр. соч., т. XIII, стр. 265
[5] R. Liefmann, Konkurenz und Monopoltheorie, — «Archiv für Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik», 41 Bd., I. H.
[6]) Там же, стр. 123.

[1]) Там же, стр. 137.
[2]) и [3]) Там же, стр. 139.
[4]) Как известно, А. Смит считал, что какое-то сверхестественное существо снабдило человека способностью к обмену, в противоположность животным.

Исторически формулированное понимание монополий отделяет Ленина не только от экономистов типа Лифмана, но и от всей плеяды социал-демократических писателей, которые как раз исторического характера капиталистических монополий понять не сумели, и поэтому и исторические черты империализма видеть не способны. Что капитализм дорос до монополий, что монополии есть противоположность конкуренции, что капитализм «перерождается»,—это с удовлетворением включают в свой анализ оппортунисты. Но что монополии создают новый этап в развитии капитализма, который на новой исторической ступени в неизмеримо более острой форме воспроизводит основные противоречия капитализма, что империализм в новой монополистической скорлупе делает еще более невыносимым существование капитализма,—об этом они скромно умалчивают, скрывая тем самым исторически преходящий характер империализма.

На основе теоретического понимания исторической формы капиталистической монополии, Ленин построил все учение об империализме. Все остальные черты империализма—господство финансового капитала, роль банков, борьба за рынки, экспорт капитала, раздел мира, паразитизм новейшего капитализма и т. д.—не только базированы у Ленина на понимании монополистического характера империализма, но и легко выводятся из этого понимания. Тот, кто почял основное в империализме—господство монополий на общем фоне частной собственности и конкуренции—легко поймет и всю систему империализма.

Какие же выводы делает Ленин из своего понимания монополий?

Центральный вывод состоит в том, что империализм не только не упраздняет внутренних противоречий капитализма, вытекающих из частной собственности и анархии производства, но еще более обостряет их. Только апологеты империализма могут развивать мысль, будто господство финансового капитала ослабляет противоречия внутри мирового капитализма[1]). Поэтому Ленин не устает в течение империалистической войны доказывать самое элементарное, казалось бы, марксистское положение, что «капитализм есть частная собственность и анархия производства»[2]). Ленин выдвигает его против ренегатов марксизма, империалистических утопистов, упростителей империалистической системы и любителей «миролюбивых» лозунгов, вроде лозунга Соединенных Штатов Европы.

«Устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, оправдывающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом; несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше. Привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная, так наз. тяжелая индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности «к еще более острому отсутствию планомерности», как признается Ейдельс, автор одной

[1]) Ленин, Империализм, т. XIII, стр. 310.
[2]) Ленин, О лозунге Соединенных Штатов Европы, т. XIII, стр. 132.

из лучших работ об «отношении немецких банков к промышленности»[1]).

«Усиленно быстрый рост техники несет с собой все больше элементов несоответствия между различными сторонами народного хозяйства, хаотичности, кризисов»[2])..

«Распределение средств производства (в эпоху финансового капитала) совсем не «общее», а частное, т.-е. сообразованное с интересами крупного и в первую голову крупнейшего монополистического капитала, действующего в таких условиях, когда масса населения живет впроголодь, когда все развитие земледелия безнадежно отстает от развития промышленности, а в промышленности «тяжелая индустрия» берет дань со всех остальных ее отраслей»[3]).

«Со стороны торгово-промышленных кругов нередко слышатся жалобы на «терроризм банков»... В сущности это—те же жалобы мелкого капитала на гнет крупного»... Только в разряд «мелких здесь попадают целые синдикаты»! «Старая борьба мелкого и крупного капитала возобновляется на новой, неизмеримо более высокой ступени развития»[4]).

Как несравненно далеко это глубокое понимание Ленина анархичности капиталистического производства от даже самых революционных писателей об империализме! Характерным для Ленина является, что он еще в 90-х г.г. со всей решительностью и ясностью выставлял анархию капиталистического производства, как неот'емлемое основное качество капитализма, лежащее в основе всех противоречий капитализма. Это об'ясняет поразительную монистическую цельность всех теоретико-экономических взглядов Ленина. В то время, например, как еще «ортодоксальный» Каутский[5]), а позднее Роза Люксембург искусственно выпячивали в теории рынков и кризисов только один момент—противоречие между производством и потреблением, у Ленина этот момент гармонически вплетается в общую систему анархии капиталистического производства[6]). Поэтому Ленин больше всех сумел понять революционный смысл марксова учения о капитализме, а позже с таким искусством применить метод и учение Маркса к теоретическому анализу империализма. Учение Ленина об империализме является действительным продолжением, развитием экономического учения Маркса в эпоху новейшего капитализма.

Ни одно из противоречий капитализма, вытекающих из анархии производства, не исчезает в эпоху империализма. Они еще более обостряются и осложняются новыми противоречиями. Противоречие между организованностью отдельных отраслей производства и неорганизованностью всего производства, между картелированными и некартелированными частями хозяйства, между тяжелой индустрией и легкой, между сельским хозяйством и промышленностью, между производством и потреблением,—все эти

[1]) Ленин, Империализм, т. XIII, стр. 257.
[2]) Там же, стр. 257.
[3]) Там же, стр. 263.
[4]) Там же, стр. 269.
[5]) См. Каутский, Теории кризисов.
[6]) Очень хорошо это подмечает тов. Бухарин. (Империализм и накопление капитала, стр. 87).

противоречия принимают колоссальные размеры и остроту при империализме.

На противоречиях, основанных на монополистическом характере империализма, следует особо остановиться. Противоречие между монополией и конкуренцией в системе Ленина стоит во весь рост. Монополия и конкуренция не мирно сосуществуют рядышком, а ведут ожесточенную борьбу. Мнение о мирном «сожительстве» монополии и конкуренции обще всем буржуазным экономистам. Мы уже приводили выше Лифмана, рисующего идиллию гармонического союза монополии и конкуренции. В действительности сосуществование и поглощение друг другом монополии и конкуренции создает новые неисчислимые противоречия. Ленин именно глубокое противоречие, заложенное в монополиях, подчеркивает со всей силой.

«Одним из недостатков марксиста Гильфердинга является то, что он сделал шаг назад по сравнению с немарксистом Гобсоном. Мы говорим о паразитизме, свойственном империализму». «Монополия неизбежно порождает стремление к застою и загниванию: поскольку устанавливаются, хотя бы временно, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а след., и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс». «Тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии... действует... в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, а на известные промежутки времени, она берет верх»[1]).

Совершенно понятно, почему господство монополий приводит к паразитизму, застою. Это и есть противоречие между господством монополий и сохранением частной собственности, которую империализм не в состоянии упразднить. И понятно из вышеизложенного, почему «марксисты», подобные Гильфердингу, этого противоречия монополистического капитализма увидеть не смогли. Монополии, упраздняя конкуренцию, вводят нас спокойно и гладко прямо в организованное общество—таков главный «их» тезис. Монополии, материально подготовляя социализм, не только не упраздняют, но обостряют и дополняют в огромной степени противоречия капитализма—таков главный тезис учения Ленина.

Понимание паразитического характера монополий чрезвычайно важно, так как оно позволяет легко проникнуть в существо очень многих характернейших особенностей империализма. К таким особенностям, например, принадлежит закономерное «превращение», происшедшее с конкуренцией, ее формами и методами. Монополии в экономике необходимо считаются с монополистическими, насильственными, захватными средствами борьбы, методами конкуренции[2]). «Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами удушение монополистами тех, кто не подчиняется ее гнету, ее произволу»[3]). «Отношения господства и связанного с ним насилия—вот что типично для «новейшей фазы» капитализма», вот что с неизбежностью должно было про-

[1]) Ленин, Империализм, т. XIII, стр. 314.
[2]) Там же, стр. 309.
[3]) Там же, стр. 254.

истечь и проистекало из образования всесильных экономических монополий»[1]).

Конкуренция не просто упраздняется[2]). Она упраздняется и остается существовать. Но, что важно, преобразуются также радикально самые формы конкуренции. Конкуренция делается насильственной, превращается в борьбу орудиями, далеко не экономическими и не прогрессивными. Интересно, что об этом изменении формы конкуренции[3]) молчат или чрезвычайно мало говорят оппортунисты.

Так же точно, как тенденции к техническому застою и изменению форм конкурентной борьбы, из факта господства монополистических союзов вытекает и монопольная эксплоатация монополистически не организованных частей капиталистического хозяйства. Монополии становятся тем более сильными, чем большее количество немонополистических областей хозяйства находятся в сфере их эксплоатации. Отсюда происходит вся колониальная политика монополистических союзов, монопольный раздел между ними всего мира, ожесточенная борьба за рынки. Империализм—это монополистическое господство групп капиталистов над огромными колониальными и полуколониальными областями. Такова картина империализма, если взять последний в мировом масштабе. Империализм превратился в паразитический гнет государств-монополистов над миллионами колониального населения.

Только Ленину удалось проникнуть в существо империализма, как мировой системы господства «культурных» государств над «некультурными» областями и странами, и тем самым обнаружить величайшее внутреннее противоречие, на котором построен империализм. Случайно ли это? Конечно, нет. Никто, кроме Ленина, не понял так глубоко сущность капиталистической монополии и поэтому не сумел раскрыть картину чудовищной эксплоатации, гнета, насилия, паразитизма, характерных для империализма. Никто не сумел с такой определенностью установить, что «капитализм дозрел и перезрел», что он пережил себя и стал реакционнейшей задержкой человеческого развития..., что он свелся к всевластию горстки миллиардеров и миллионеров, толкающих народы на бойню для решения вопроса о том, германской или англо-французской группе хищников должна достаться империалистическая добыча, власть над колониями, финансовые «сферы влияния» или «мандаты на управление» и т. п.»[4]).

[1]) Там же, стр. 255.
[2]) Именно так «просто» смотрит на процесс развития монополий O. Leichter. (Die Wirtschaftsrechnung in d. sozialistischen Gesellschaft, Wien 1923 г.).
[3]) Тов. Бухарин не совсем правильно об'ясняет в «Экономике переходного периода» перенесение центра тяжести конкурентной борьбы на методы силового давления тем, что борьба в эпоху финансового капитала идет не между однородными предприятиями, а комбинированными трестами, именно между «государственно-капиталистическими комбинированными трестами», где метод дешевых цен вообще не применим. Дело в том, что основное значение в этом вопросе, конечно, имеет монополистический характер новейшего капитализма. Как совершенно правильно замечает тов. Бухарин в своей последней работе «Империализм и накопление капитала», проблема конкурентной борьбы даже между предприятиями, производящими однородную продукцию, «стоит существенно иначе при монополистической форме капитала», чем при капитализме свободной конкуренции. В этом и заключается гвоздь.
[4]) Ленин, Ответ на вопросы американского журналиста, т. XVI, стр. 286.

V.

Какое актуальное значение для борьбы рабочего класса имеет теоретическое учение Ленина, показывает вся сумма революционно-политических положений ленинизма, которые на нем основаны.

Сюда относится, прежде всего, непримиримая борьба против защитников «теории сверх'империализма». «Казенному воспеванию прелестей «организованного капитализма» [1]), проповедям социал-соглашателей о предстоящем наступлении «фазы прекращения войн» и «общей эксплоатации мира интернационально-об'единенным финансовым капиталом» [2]), Ленин противопоставлял свою теорию империализма, безжалостно бичующую все противоречия империализма и обнаруживающую всю теоретическую и политическую фальшь идей о «мирном ультраимпериализме».

Теория ультраимпериализма, по мнению Ленина, «разрывает решительно и бесповоротно с марксизмом». Ибо как можно говорить «марксистским» языком о необходимости наступления мирного сверх'империализма, когда главным законом капитализма является «неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных отраслей, предприятий, стран» [3]), когда «финансовый капитал не ослабляет, а усиливает различия в быстроте роста разных частей всемирного хозяйства», и когда главным принципом капитализма в борьбе и в соглашениях есть принцип силы участников, величины капитала, обще-экономической, финансовой, военной мощи [4]).

Пусть капиталисты добьются соглашения раздела мира между собой. Но ведь «делить нельзя иначе, как по силе»! «Проповедывать «справедливый» раздел на базе капитализма есть прудонизм, тупоумие мещанина, филистера». «А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 года Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция. Япония раз в 10 быстрее, чем Россия. Чтобы проверить действительную силу капиталистического государства, нет и не может быть иного средства, кроме войны... При капитализме невозможны иные средства, как кризисы в промышленности, войны в политике» [5]).

Вот почему Ленин называет мнение о возможности мира между народами при капитализме «теоретически совершенно вздорным, а практически софизмом, способом нечестной защиты худшего оппортунизма» [6]). Конкретно-историческая особенность империализма заключается в том, что он представляет не господство одного сверх'империализма, а господство и конкуренцию *нескольких* империализмов [7]). «Поэтому «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы—в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистической коалиции против другой, или в форме всеобщего союза *всех* империалистских держав—являются неизбежно лишь «передышками» между войнами. Мирные союзы подготовляют войну и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы *из одной* и *той же* почвы империалистических связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики» [1]).

[1]) Ленин, Империализм, т. XIII, стр. 270.
[2]) Там же, стр. 310.
[3]) Там же, стр. 284.
[4]) Там же, стр. 329.
[5]) Ленин, О лозунге Соедин. Штатов Европы, т. XIII, стр. 132.
[6]) Ленин, Империализм, т. XIII, стр. 294.
[7]) Там же, стр. 308.

Эти слова Ленина и поныне служат лучшей отповедью мечтателям о наступлении эры «организованного» капитализма. Нет иного выхода из мира капитализма в мир сознательно организованного общества, как на пути социалистической революции. Империализм довел противоречия капитализма до высшей и наиболее острой формы, сделав его реакционным и особенно невыносимым его гнет. Не сказку об «организованном» капитализме, а революцию, пролетарскую социалистическую революцию противопоставит империализму пролетариат.

«И чрезвычайно высокая ступень развития мирового капитализма, вообще, и смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом, и подготовка банками, а равно союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов, и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, гигантское затруднение его экономической и политической борьбы; и ужасы, бедствия, разорение, одичание, порождаемые империалистической войной,—все это делает из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской социалистической революции» [2]).

Если ленинская теория считает неизбежным крах капитализма и социалистическую революцию, то, с другой стороны, ей совершенно чужды элементы революционного фатализма. Крах капитализма наступит не в результате пришествия некоего «об'ективного предела», срока, знаменующего абсолютную невозможность дальнейшего развития капитализма. Именно на такую позицию необходимо сбивается учение о накоплении капитала и империализме Розы Люксембург. Причину краха капитализма она видит в исчерпании некапиталистической среды, без которой невозможно, по ее теории, расширенное воспроизводство вообще. Наступление этого момента и есть «об'ективный предел» развития капитализма.

Для учения Ленина подобное механическое предопределение конца капитализма неприемлемо. Капитализм падет от все большего обострения внутренних противоречий, на которых построен капитализм с раннего детства, но которые делаются неизмеримо губительнее в последнюю эпоху капитализма. *Монополистический* характер новейшего капитализма—вот что доводит эти противоречия до высшей ступени развития. Высший момент напряжения этих противоречий и есть момент краха капитализма и социалистической революции.

Роза Люксембург не видела основной исторической черты империализма—его *монополистического* характера. Это не позволило ей определить и действительные причины гибели капитализма. Увлеченная «об'ективным пределом» капитализма, вы-

[1]) Там же, стр. 329.
[2]) Ленин, Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы, т. XIV, ч. 1, стр. 116.

мышленным ею в основе неверной теории накопления, Роза отвлекла свое внимание от главных исторических противоречий империализма. И «чистый» и «смешанный» капитализм новейшего времени воспроизводится с колоссальными трудностями, издержками, противоречиями. Этот главный момент Роза упустила из виду. Отсюда неправильность ее теории империализма и далеко не революционный в действительности смысл ее. Замечательно верно об этом пишет тов. Бухарин: «Тут налицо удивительный теоретический парадокс: теория Розы Люксембург, которая хочет быть ультра-революционной и которая дает действительно великолепное, рукою гениального мастера сделанное описание колониальной эксплоатации,—эта теория по существу дела, т.-е. в своем теоретическом ядре, смазывает и затушевывает и капиталистическую действительность» [1]). Наоборот, учение Ленина, далекое от «фаталистического» предсказания гибели капитализма от «третьих лиц», подчеркивающее, как мы видели, что «империализм есть умирающий капитализм, но не умерший еще», далекое от всякого упростительства в вопросах капиталистического краха,—с величайшей силой, в ослепительно ярком свете, на основании теоретического анализа, обнажает наиболее глубокие и острые противоречия империализма.

По этой же причине различна и практическая роль учения Ленина и Розы в вопросах политики и стратегии рабочего класса. Наиболее выпукло это проявляется в крестьянской и национально-колониальной проблемах.

Неотвратимым выводом из учения Ленина об империализме является идея рабоче-крестьянского блока и союза пролетарской революции с колониальными восстаниями. Именно господствующий монополистический характер империалистической эксплоатации делает крестьянскую и колониальную проблемы вопросами «жизни и смерти» для империализма и для пролетариата. Гениальной заслугой Ленина является то, что он выдвинул идею рабоче-крестьянского блока еще в первой русской революции, задолго до империалистической войны, послужившей моментом наивысших обострений противоречий империализма, как системы новейшего капитализма. Но непростительной ошибкой было бы поэтому рассматривать крестьянский вопрос в системе ленинизма вне связи с учением об империализме. В учении об империализме, как и в империалистической действительности, идея рабоче-крестьянского блока получает свое окончательное подтверждение и историческое оправдание. Из мысли о случайном, исторически благоприятном сочетании революции пролетариата и крестьянской войны, о котором говорил еще Маркс, она превратилась в острейшую жизненную проблему пролетарской революции, без разрешения которой невозможна победа последней.

Логически закономерно непонимание крестьянской проблемы сторонниками Розы Люксембург и теории «чистого империализма». И те и другие проходят мимо отношения монополии и свободной конкуренции, как основного общественно-экономического отношения эпохи империализма, не замечая вместе с тем главного противоречия империализма—между монополией и конкуренцией, между монополистически организованной и неорганизованной ча-

[1]) Н. Бухарин, Империализм и накопление капитала, стр. 107.

стями мирового капиталистического хозяйства. А здесь как раз и лежит корень крестьянской и колониальной проблем.

То же самое нужно сказать и о национальной проблеме. Ленин поставил национальный вопрос так широко и глубоко, как не осмеливался до него сделать ни один социалист. Это случилось потому, что эпоха империализма выдвинула вопрос о национальном угнетении, порабощении, эксплоатации в таком виде, в каком он не стоял никогда в истории. Империализм—это господство кучки «передовых» финансово-капиталистических государств над миллионами колониальных рабов. Удивительно ли, что Ленин лучше всех понял всемирно-историческое значение этого вопроса?

Важно отметить, что такой подход к национальному и крестьянско-колониальному вопросам дал возможность Ленину познать мировую пролетарскую революцию в конкретно-историческом своеобразии ее условий. Этого никому не удавалось сделать. Между тем, Ленина «принято» упрекать в «беззаботности» в отношении учета об'ективных условий пролетарской революции. Нет ничего более неправильного, чем такой упрек. Пусть вдумаются все «умники» из Второго Интернационала в нижеследующие слова Ленина, доказывающие его блестящее понимание реальных условий мировой революции.

«Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных движений, в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях. Почему? Потому, что капитализм развивается неравномерно, и об'ективная действительность показывает нам, на ряду с высокоразвитыми капиталистическими нациями, целый ряд наций, очень слабо и совсем неразвитых экономически. П. Киевский абсолютно не продумал об'ективных условий социальной революции с точки зрения экономической зрелости разных стран» [1])...

Вопрос об экономической и политической зрелости отдельных стран к социалистической революции, вопреки «обычному» мнению, нашел у Ленина наиболее вдумчивую трактовку, так как ему удалось проникнуть в необычайную сложность экономических и национальных отношений в эпоху империализма. Разговоры про диктаторство в Коминтерне московских «уравнителей» больше всего распространены среди наших врагов. А в действительности, вот как Ленин говорил о движении отдельных стран к социализму:

«Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в этом отношении одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того» [2]). И далее: «Мы не знаем

[1]) Ленин, О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», т. XIII, стр. 370.

[2]) Там же, стр. 379.

и не можем знать, какому числу угнетенных наций понадобится... внести свою лепту в разнообразие форм демократии и форм перехода к социализму»[1]).

И вопрос о разнообразии национальных форм перехода к социализму и вопрос о разнообразии форм экономического строительства после революции в любой из стран получает, с точки зрения ленинского учения, наиболее ясное и правильное разрешение. На этой стороне значения учения Ленина об империализме до сих пор останавливали меньше всего внимания. В действительности же это учение дает в руки руководящую нить для ответа на сложнейшие проблемы экономического строительства пролетариата.

Теперь, после нескольких лет революции для нас всех ясно, что так же точно, как было бы теоретически и практически убогим красить однообразной краской будущее социалистической революции в разных странах, не менее убого представлять себе хозяйственное строительство пролетариата после революции в любой стране в виде немедленного создания одной единственной, однообразной хозяйственной формы, одного единственного «исполинского общественного предприятия»[2]). Дело оказывается гораздо сложнее. Пролетариат вынужден, на-ряду с развитием национализированного общественного хозяйства, допустить существование разнообразных несоциалистических форм хозяйства в переходный период. Такой ответ, проверенный опытом нашей революции, целиком базируется на учении Ленина об империализме. Не «цельный», «чистый» империализм, «насквозь» монополистический, «насквозь» уничтоживший свободную конкуренцию, преподнесен пролетариату историей накануне социалистической революции. «Чистого» империализма никогда не было и не будет. Империализм есть сочетание монополии и конкуренции, передовых и отсталых форм хозяйства, финансового капитализма и старого «неорганизованного» капитализма. Империализм—это совокупность разнородных экономических частей. Поэтому разнообразие и сложность хозяйственных элементов накануне пролетарской революции является исторически данным фактом. Такова империалистическая действительность, которая может быть неприятна[3]), но с которой ничего не поделаешь.

«Из этой разнокалиберности, из этого построения из разного материала, как это ни неприятно, мы не выскочим в течение долгого периода». А «когда выскочим... тогда уже будем жить в социалистическом обществе»[4]). «Для реорганизации всего мира, для реорганизации большинства стран потребуется много и много лет. А это значит, что в тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим. Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя»[5])...

Наконец, учение Ленина об империализме дает возможность поставить и разрешить еще одну существеннейшую актуально-

[1]) Там же, стр. 380.

[2]) Так думает, например, W. Greiling. Marxismus und Sozialisierungs-theorie, S. 99, Berlin 1923.

[3]) Ленин, Доклад о партийной программе на VIII с'езде РКП,—т. XVI, стр. 115.

[4]) Там же, стр. 113.

[5]) Там же, стр. 115.

политическую проблему пролетарской революции, проблему изолированной победы социалистической революции в одной стране. Интересно, что наиболее умные и проницательные буржуазные экономисты и политики отмечают чрезвычайную важность этой проблемы. Например, Людвиг Мизес пишет по этому поводу: «Еще либералы не обращали достаточного внимания на огромное препятствие (в политической борьбе)—национальную проблему. Социалисты же совершенно не видели, что это препятствие бесконечно больше для социалистического общества»[1]). «Более поздние марксисты, правда, признали, что нужно считаться также и с той возможностью, что по крайней мере некоторое время будут существовать рядом друг с другом независимые социалистические общества (Отто Бауэр). Но если мы признаем это, тогда надо итти дальше и иметь в виду также тот случай, когда одно или несколько социалистических обществ может существовать рядом с хозяйственным миром, в основном построенном на капиталистической основе»[2]).

Ленин имел перед глазами перспективу изолированной пролетарской революции еще во время империалистической войны. Анализ империализма, основанного на крупнейших несоответствиях, приводил Ленина к мысли о возможности именно такой победы революции. Ведь различны не только формы перехода к социализму, но различен и темп развития революции в разных странах. Иначе и не может быть в мире капиталистической анархии.

В 1915 году Ленин поистине пророчески намечал такой путь развития пролетарской революции: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств»[3]).

Какой исторической правдой оказались эти слова Ленина! Чем шире разворачивается борьба пролетариата за социализм, тем становится все более ясным, что окончательная победа социализма может быть только результатом длительного цикла побед, поражений, войн пролетарских государств, в борьбе с капитализмом «привлекающих к себе и поднимающих восстание угнетенных классов других стран».

VI.

Учение Ленина об империализме может рассматриваться с трех основных точек зрения.

Прежде всего оно нуждается в изучении под теоретико-экономическим углом зрения. Сугубо важное значение теперь при-

[1]) Ludwig Mises, Die Gemeinwirtschaft, Jena 1922, S. 213.

[2]) Там же, стр. 212.

[3]) Ленин, О лозунге Соединенных Штатов Европы,—т. XIII, стр. 133.

обретает точное определение главных контуров теоретических взглядов Ленина. Капитализм, получивший тяжелое ранение в годы империалистической войны, еще жив, и, несмотря на колоссальнейшие затруднения, бешено сопротивляется атаке пролетариата. Судорожно стараются капиталисты стабилизировать экономические и политические отношения. Удастся ли им это? Куда пойдет дальше развитие капитализма?

Ответов на эти вопросы можно искать только на основе теоретико-экономического изучения развивающихся процессов. Слишком очевидна крупнейшая роль, принадлежащая в этом отношении ленинскому учению об империализме. Ни в коем случае не допустимо беззаботное отношение к теоретическим взглядам покойного учителя. Ни в коей мере нельзя допускать смешения, синтезирования, разводнения ленинского учения с чуждыми теоретическими элементами [1]).

Для этого, само собой разумеется, нужно тщательным образом проработать, освоить, систематизировать все высказывания, мысли, работы Ленина по вопросу об империализме. Следует хорошо помнить, что экономическая теория империализма лежит в основе системы ленинизма.

Второй и наиболее часто встречающейся точкой зрения при рассмотрении ленинского учения является анализ его революционно-практического значения. Эта сторона освещена до сих пор наиболее полно. Необходимо только всегда связывать эту часть учения с теоретико-экономическими воззрениями Ленина. В настоящей статье мы старались доказать, что только самостоятельное теоретическое понимание существа монополистического капитализма позволило Ленину сделать революционно-политические выводы, которые характеризуют прикладную революционную часть ленинизма. Более того, такое понимание предопределило эти выводы.

Наконец, третья точка зрения, которая освещает не менее ценную сторону в учении Ленина—это оценка его с точки зрения определения путей экономического строительства пролетариата после революции... Еще у Маркса можно установить тесную внутреннюю связь между его учением о капитализме и теми экономическими мероприятиями, которые он предлагал на другой день после революции. Достаточно для этого вдуматься в систему мер экономического характера, предлагаемых в «Коммунистическом Манифесте» [2]). Но эпоха, в которую жил Ленин, уже поставила вопрос о «перерастании» капитализма в социализм, как основную практическую проблему современности. Поэтому учение Ленина об империализме дает неизмеримо больше ответов для решения задачи экономической революции пролетариата. В понимании Ленина монополистического капитализма так, как он есть, со всей сложностью и разнородностью его составных экономических элементов с его чудовищными противоречиями, несоответствиями, несоразмерностями в развитии отдельных его частей,—в потенции заложено разрешение целого ряда основных вопросов экономической революции пролетариата. Учение о государственно-монополистическом капитализме—необходимая предпосылка для понимания экономического строя при диктатуре пролетариата.

Эта сторона учения Ленина вводит нас в область проблем экономики переходного периода, имеющих для нас исключительно научный и практический интерес.

---

[1]) Образцом чудеснейшего «синтеза» взглядов Ленина и Розы Люксембург является книжка Пилецкого «Две теории империализма». Насколько понял автор этой книги теоретические взгляды Ленина, показывает то, что он монополии относит к второстепенным признакам империализма.

[2]) Совершенно правильно говорит W. Greiling (Marxismus und Sozialisierungstheorie, 1923) на стр. 24: «Из мероприятий, предложенных в конце Коммунистического Манифеста, и из отношения Маркса к Парижской Коммуне, бесспорно вытекает, что полную централизацию средств производства в обществе проводит только сам пролетариат после революции». Но из этого явствует, что Greiling неправ, когда приписывает Марксу представление об «одном единственном исполинском общественном предприятии» для первой стадии социалистического строительства.